

ЭМИЛИЯ
Март

ЛЮБОВНЫЙ
Роман

БЫВШИЙ МУЖ.

БОСС.

МИЛЛИАРДЕР.

Эмилия Марр

Бывший муж. Босс. Миллиардер

«Автор»

2025

Марр Э.

Бывший муж. Босс. Миллиардер / Э. Марр — «Автор», 2025

— Значит, ты всё-таки разбогател, — говорю, складывая руки на груди, с холодной усмешкой. Он только криво улыбается. Уверенно. Самодовольно. Как будто всё это — награда за то, что избавился от «балласта». — Успех мужчины — заслуга женщины, которая рядом, — раздаётся чуть приторный голос у меня за спиной. Я оборачиваюсь, ну конечно, его невеста тут как тут, и цитирует мою бывшую свекровь. — Что, теперь кусаешь локти? — влезает он, склоняясь ближе, почти шепчет, но с той самой мерзкой насмешкой, что раньше выводила меня из себя. — Не думала, что без тебя я поднимусь, да? А вот поднялся. Пока ты — всё там же. Сердце стучит, как у загнанной, но я не дам им этого увидеть. Поднимаю подбородок, в глазах — лёд. — Знаешь, я не жалею, что мы разошлись, — говорю медленно, внятно. — Я жалею, что когда-то поверила, будто ты вообще был мне ровней. Молчание. Его улыбка гаснет на секунду. Я поворачиваюсь и ухожу, не оглядываясь. Не потому что легко — а потому что больно, очень больно.

© Марр Э., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	18
Глава 8	21
Глава 9	24
Глава 10	27
Глава 11	29
Глава 12	32
Глава 13	35
Глава 14	37
Глава 15	40
Глава 16	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Эмилия Марр

БЫВШИЙ муж. БОСС. МИЛЛИАРДЕР

Глава 1

Я замечаю его сразу. Даже если бы вокруг гремела музыка и свет ослеплял, я бы всё равно почувствовала.

Эрик.

Он всегда входит в помещение так, как будто мир вращается вокруг него. Как будто люди – декорации, а он – центр. Но теперь... теперь это уже не просто самоуверенность. Это – демонстративная, выверенная власть. Деньги и походка победителя жизни.

Костюм сидит идеально. Улыбка на миллион.

А рядом с ним – молодая девушка. С милым лицом, надутыми губами, и фигурой модели. С глазами, в которых мыслей меньше, чем в брошюре салона красоты. Но они смотрят на него с обожанием.

Они оба будто сошли с рекламного ролика об успешной жизни. Идеально. Слишком идеально. Как будто он её не выбрал, а купил. Или снял с манекена.

Значит он добился успеха о котором мечтал.

Я откидываюсь на спинку кресла. Никаких резких движений. Я не побегу. Я не сломаюсь. Я не та, что была десять лет назад.

И чувствую, как внутри что-то царапает. Мне не хватает воздуха, для меня эта встреча слишком неожиданно.

Он замечает меня. Замирает. Пауза. Секунда. Здесь только мы и пустота между. Глаза едва прищуриваются. А потом – эта усмешка. Старая, ядовитая, знакомая, самодовольная. С оттенком «смотри, что ты потеряла».

Как будто он снова на шаг впереди. Как будто всё ещё может меня считать.

Нет, не может. Не теперь.

Чёрт. Почему именно сегодня? Почему не в тот вечер, когда я плакала в подушку, сучая по голосу, которого не слышала годами? Почему не тогда, когда мечтала – хоть на минуту – узнать, счастлив ли он? Почему сейчас, когда я только пытаюсь научиться жить без боли?

Хорошо, что я сегодня не в худи и слезах. Платье подчёркивает талию. Волосы уложены. Помада – как броня. Я поднимаю подбородок. Гордо. Спокойно. Ложь. Но пусть думает, что всё по-настоящему.

Десять лет назад я уехала из родного городка на юге страны из-за него, стерев себя до тени. После всего что было! После предательства. После того, как он исчез – легко, как будто ничего между нами не было.

Сейчас я вернулась. Не потому, что захотела, а потому, что жизнь вынудила. Андрей сделал мне предложение, а я не готова к новому замужеству, и именно в этот момент заболела мама. Я воспользовалась ситуацией и сбежала от него сюда, ухаживать за ней. В пустой дом и воспоминания, от которых воротит.

И вот – первый вечер, когда я решила встретиться с подругой. Просто выйти, вдохнуть, почувствовать себя снова женщиной.

А в итоге встретила свое прошлое. Болезненное, которое до сих пор никак меня не отпустит.

Я отвожу взгляд, будто в окне что-то важное.

На самом деле просто хочу отдышаться.

Рассматриваю машину, на которой они приехали.

Дорогая. Хищная. Без намёка на прежнюю скромность.

– Он всё-таки разбогател, – шепчу себе.

Даже не знаю, с горечью или с уважением. Скорее, с чем-то между.

Что привело его обратно?

Ведь тогда он уехал, тоже «навсегда», в Германию. Бросил всё, вместе со мной.

И теперь стоит тут. Улыбается.

Но только я знаю, чего стоили мне эти десять лет.

И только я знаю, какую цену он заплатит, если попробует войти в мою жизнь снова.

Он приближается. Медленно. Уверенно. За ним – она. Как будто без него и дышать не умеет. Тень в каблуках.

– Агата, – говорит он на весь зал, как будто рад объявить о моём возвращении. – Какими судьбами? Ты же уехала навсегда, бросив тут все.

Я смотрю на него. Не моргаю. Не улыбаюсь

– Ну надо же... – его голос тягучий, ленивый, как у человека, который уверен, что выше. – Не думал, что ты здесь появишься.

Я оглядываю его с головы до ног.

– Ну надо же, – повторяю с холодной усмешкой, складывая руки на груди, – ты наконец разбогател. И блондинку себе завел.

Я сижу. Не поднимаюсь, смотрю на него гордо, снизу вверх, откинувшись на спинку кресла. Он не достоин того, чтобы я приветствовала его стоя.

Он медленно оборачивается, смотрит на нее довольно. На губах – та самая полуулыбка, от которой я когда-то таяла. Теперь же хочется стереть ее.

– Да, всё изменилось, – тянет с ленцой. – Знаешь, когда рядом верная и надежная женщина, всё становится возможным, – отвечает с нажимом на слова «верная и надежная».

Улыбается еще, гад. Но в каждом слове – гвоздь. Прямо в сердце.

Он только что обозвал меня ненадежной. Неверной. Удобно, правда? Обесценить то, что мы пережили. Назвать это ошибкой.

И с намёком, что со мной он был никем, а с другой он теперь «мужчина». Как будто всё это – награда за то, что избавился от «балласта».

И в этот момент она делает шаг вперёд, аккуратно вкладывая ладонь в его руку. Вся такая вежливая, приветливая. Голос – мягкий, как мед, которым мажут перед тем, как резать

– Адриана, очень приятно, – представляется она, хотя я и не хотела знать ее имя, – Хочу добавить, что успех мужчины – это заслуга женщины, которая рядом, – говорит она мягко, с тем самым выражением лица, с которым делают вид, будто не хотят тебя задеть. – По-моему, так говорит твоя мама, да? – «случайно» уточняет у него, при этом глядя мне в глаза. – Такая мудрая женщина.

Ах ты ж, дрянь.

Она цитирует мою бывшую свекровь. Прямо мне в глаза.

Адриана знает, что делает. Она не дура.

Как мило, что эти две стервы спелись.

Сердце разрывается на части, так что хочется с кровью стереть эту снисходительную улыбку победительницы с лица этой девчонки.

Я ощущаю, как кровь приливает к щекам. Как боль в груди превращается в злость. Но я молчу. Потому что иначе – взорвусь

– Не ожидал тебя тут увидеть, – продолжает Эрик, пристально глядя на меня. – Хотя... ты же всегда была привязана к прошлому.

Пауза.

– Или просто так и не нашла никого получше?

«Выстрел». Прямо в грудь. Он знает, куда давить. Словно случайно, он вспоминает всё, что может сделать мне больно. Мягко. У

Добро пожаловать, дорогие читатели, в мой новый роман.

Надеюсь, он вам понравится, и вы поставите лайк, и продолжите читать)))

Очень жду ваших комментариев.

Глава 2

Каждое слово режет, как острое лезвие. Он хочет увидеть меня сломанной
Сердце стучит как у загнанной, но я не дам им это увидеть. Поднимаю подбородок, в глазах – лёд. Но не успеваю что-то сказать, как он продолжает давить:

– Жалеешь, что всё так сложилось? – продолжает он, как будто требует исповеди. – Ведь могла бы быть рядом со мной, если бы тогда не включила свою гордость.

Гордость? Он называет гордостью то, что я еле выживала после его предательства?! То, что я держалась, когда он исчез, как будто меня никогда не было?! Он не видел, как я рыдала в пустой квартире, проклиная себя за то, что любила его.

А сейчас... сейчас он все еще смотрит так, как будто я виновата, что он ушёл. Что стал счастливым. Что я осталась в его глазах – «там».

Он совсем забыл, при каких обстоятельствах он позвал меня к себе в Германию, мне вообще его не хотелось видеть тогда, мне жить не хотелось! Папа и Назар – моя потеря, моя боль на всю жизнь.

Я будто на секунду задыхаюсь от несправедливых, ложных обвинений. Но только внутри. Снаружи – ни звука, ни дрожи. Я резко поднимаюсь. Он дёргается, будто не ожидал. Подбородок еще выше, спина прямая, голос стальной.

– Жалею? – переспрашиваю медленно, будто пробую слово на вкус. – Знаешь, я не жалею, что мы разошлись, – говорю медленно, внятно. – Я жалею, что когда-то подумала, будто ты был мне ровней.

Молчание. Его улыбка гаснет на секунду. Да-да, мы оба знаем наше прошлое, и слабые места друг друга.

Я делаю шаг назад. Смотрю на них, как на красивую, но дешёвую обёртку от пустой коробки.

– А теперь будь добр, не подходи ко мне с этим взглядом победителя. Ты не победил. Ты просто сменил куклу и фон.

Моя улыбка как лезвие. Сухая. Холодная.

– А я научилась жить без тебя.

Разворачиваюсь. Иду прочь. Не спеша.

Не потому, что сильная. А потому, что иначе – разорвёт.

Я слышу, как стучат мои каблуки по плитке. Один за другим. Как удары сердца. Как выстрелы.

Я не знаю, дрожат ли у меня пальцы. Не смотрю.

Я просто иду. Сквозь боль. Сквозь прошлое, которое всё ещё цепляется за меня когтями.

И с каждым шагом говорю себе: «Я справилась».

И если он ещё раз попробует разрушить меня, я не просто выстою. Я отвечу.

Хуже, чем тогда, мне уже не будет.

А значит, мне больше нечего терять.

Слышу, как кто-то что-то бросает мне вслед. Плевать. Главное – не сорваться. Не выдать, как у меня внутри всё горит, будто ток пустили по венам. Как будто вся кровь закипает, но я держусь. Я должна. Толкаю дверь в женский туалет – пусто. Замечательно.

Закрываю за собой кабинку, прижимаюсь лбом к холодной плитке.

Дышу. Ровно. Глубоко.

И вдруг меня накрывает. Не плач – нет. Я не позволю себе сломаться. Это злость... она разрывает изнутри.

Какого черта он посмел так говорить? Как он посмел?

Как он, сука, посмел говорить обо мне так, будто я была – обуза, ошибка, груз? Я – та, кто верил. Та, кто прощал. Та, кто ради него поехала на север, и в мороз стояла торговала на рынке, даже не подозревая, что беременна.

Именно из-за моего желание поддержать его начинания все и произошло! Я как наивная дура поверила его матери, уехала и была ею брошена на краю земли. И теперь я же виновата, что верила, любила, терпела?

А он? Он просто заменил меня. Как будто я – вещь, износившаяся. Как будто меня можно выбросить и купить новую. Стоит теперь там, весь из себя богаченький, с новой девушкой под руку.

А я? Я – просто старая глава, которую он вырвал, скомкал и выкинул. Проигравшая? Да пошёл он!

Я сжимаю кулаки. Ногти врезаются в ладони. Сердце бьётся так, будто хочет вырваться. Но я стою. Не падаю.

Не сегодня, гад. Не на твоих глазах.

Открываю кран. Ледяная вода – как пощёчина. Освежает.

Смотрю в зеркало.

Щёки чуть горят. Губы поджаты, но в них нет дрожи. Только решимость. Только – ярость и сила. Я – не «бывшая». Я – не вещь, которую забыли. Я – то, что ты никогда больше не получишь.

Вытираю лицо. Наношу помаду. Красную. Как кровь. Как вызов. Пудра. Румяна. Я снова внешне в форме. Поднимаю подбородок. Выпрямляю спину.

Моё отражение кивает мне. Словно говорит: иди и покажи, кто ты такая.

Я выхожу. Уверенная. Собранная.

И когда я прохожу по залу, ловлю мужской взгляд. Не Эрика. Другой. Чужой мужчина. Тёмные глаза, внимательные. Не жадные – понимающие. Не дерзкие и хищные, а уверенные. Спокойные.

Он не смотрит на меня как на трофей. Он будто видит больше, чем просто лицо и фигуру.

Как тот, кто распознал силу и хочет понять, что за огонь за ней горит.

– Здравствуй! Ты была прекрасна.

Он слышал наш с Эриком разговор?

– Спасибо, – спокойно отвечаю.

Без кокетства. Без игры.

Он кивает, не с флиртом, а с уважением.

А я снова улыбаюсь. Не ради него. Ради себя.

И прохожу мимо.

Потому что, несмотря на всё, я всё ещё стою. И не просто стою – я иду дальше. Потому что я выжившая в своём собственном пожаре.

Он продолжает смотреть. Но я не сбиваюсь с шага.

Я – не пустое место рядом с мужчиной. Я – самостоятельная история, чёрт возьми.

И пусть внутри ещё ноет, пусть память рвётся об острые края, я не позволю этой боли управлять мной.

Подошедшая подруга машет мне рукой. Наконец-то она пришла, и я не буду сидеть одна.

Чувствую, как возвращаю себе дыхание.

– Ты где была? – спрашивает Кира, обнимая меня, – и кому ты так кокетливо улыбалась?

Глава 3

И как она так быстро все подмечает.

– Стирала прошлое с лица, – бросаю ей в ответ.

Она хмыкает, не до конца поняв, но и не спрашивает. А я не хочу вдаваться в подробности. И я ей благодарна за это ее равнодушие сейчас. Сегодня я не хочу объяснять. Ни оправдываться, ни делиться.

И, быть может, уже завтра... я наконец-то перестану чувствовать, будто всё хорошее в моей жизни было с ним.

– Так ты надолго вернулась? – интересуется Кира осторожно,ковыряя вилкой салат.

Я едва улыбаюсь.

– Пока мама не встанет на ноги. А дальше... не знаю.

Стараюсь говорить спокойно

И тут я чувствую: спина горит. Не нужно даже оборачиваться – мужской взгляд. Слишком пристально. Слишком навязчиво. Я знаю, как он умеет смотреть. Раньше я таяла от этих глаз. Теперь – хочу, чтобы он захлебнулся ими.

Конечно это ...

– Эрик! Точно Эрик! Агата, – тихо говорит Кира, – а он изменился, возмужал, приделся, щетину отпустил! Я даже не сразу его узнала.

Она внимательнее рассматривает его.

– Но что в нем не изменилось, он также пожирает тебя глазами, как и раньше! – шипит Кира, – сидит с Барби за столом, а глаза на тебе. Господи, зачем он с этой куклой сюда перперся? Когда он вернулся в город, ты знаешь? Да он в тебе сейчас дыру прожжет. – не унимается подруга.

Я не оборачиваюсь. Пусть делает что хочет, только вдали от меня. Я сама ощущаю его острый взгляд, будто ищет во мне хоть что-то – трещину, дрожь, след поражения.

Не дожждётся.

– Сидит с бокалом, делает вид, что слушает свою идеальную девушку, но глаза цепляются за тебя, – довольно ухмыляется она.

Я киваю подруге и чуть откидываюсь на спинку кресла, беру бокал с водой в руки.

Кира всегда была недовольна моим выбором мужчины. Еще на первом курсе, когда я выходила за него замуж, она говорила, что он мне не пара. Отец его – алкоголик. Мать – известная скандалистка, развелась с ним и одна воспитывала троих детей. У Эрика подрастали две сестры, Кира их называла «нахлебницами» и не понимала зачем мне это проблемное семейство.

А я его любила, страстно, всей душой. Как я могла отказаться от мужчины всей моей жизни? Я верила, что вместе мы все преодолеем, что наша любовь все проблемы переборет. И бедность его семьи в том числе.

Усмехаюсь, вспоминая какой я была наивной тогда.

Чувствую: за соседним столиком мужчина снова смотрит на меня.

Он – новый, незнакомый. Лет под сорок, дорогой пиджак, руки загорелые, глаза спокойные. Он заинтересовался мной.

И мне, чёрт возьми, приятно.

Я ловлю его взгляд. На секунду, ну может дольше, улыбаюсь и отворачиваюсь, как будто это ничего не значит. Но внутри что-то приятно тянется. Живое.

И тут – снова Эрик. Его стул поскрипывает, он поворачивается. Я краем глаза замечаю, как напрягаются его челюсти. Как его пальцы резко ставят бокал на стол.

Как он что-то резко шепчет своей спутнице, не отрывая от меня взгляда.

– Ты его до сих пор волнуешь, – продолжает Кира, наклоняясь ко мне. – Видела бы ты его лицо, когда ты улыбулась мужчине за соседним столиком.

Я усмехаюсь.

– Пусть подавится. В этот раз все по-другому.

Но на самом деле... я чувствую, как он злится. Он бесится. Думаю, потому что я не сломана. Или потому, что кто-то другой видит во мне женщину, достойную внимания. Или потому, что я не отвернулась в слезах, и не ушла раньше.

И не он причина этого света в моих глазах.

Я снова смотрю на Эрика. И на этот раз – прямо. С холодной, почти ленивой улыбкой.

Он напрягается. Смотрит в ответ так же прямо. Только резко делает глоток из бокала, выдавая свою нервозность.

Я поднимаю свой и, не сводя с него взгляда, чуть наклоняю его в приветствии.

Медленно. Уверенно.

И отпиваю.

Мужчина за соседним столом улыбается. Он явно всё понял. И теперь не сводит с меня глаз.

А я... я впервые за долгое время чувствую себя свободной.

Пусть это будет всего лишь вечер. Пусть завтра опять нахлынет боль.

Но сейчас я не тень. Я – женщина, ради которой кто-то готов забыть обо всех остальных.

И если Эрику это режет глаза – пусть. Теперь его очередь смотреть, как я ухожу.

Глава 4

– Агата, – тихо говорит Кира, – Эрик, он изменился, возмужал, щетину отпустил! Я даже не сразу его узнала. Но что в нем не изменилось, он также пожирает тебя глазами, как и раньше!

Кира говорит что-то еще – я почти не слышу. Слышу только собственный пульс. Он будто стучит прямо в висках. Я медленно ставлю бокал на стол, чуть задевая край, и он звенит, как колокол в тишине.

Эрик всё ещё смотрит. Вижу, как его спутница говорит, оживлённо жестикулирует, смеётся. А он – будто камень. Ни одной искры в ответ. Только злость – глухая, тяжёлая, вязкая, как болотная вода.

Я слишком хорошо его знаю. Знаю, как он замирает, когда что-то не под контролем. Как хрустит суставами на пальцах, когда сдерживается. Он злится. Он ревнует.

И это... черт побери, приятно.

Пусть почувствует. Хоть сотую долю того, что прожила я, когда он меня бросил.

А теперь я здесь. Взрослая и сильная. И с красной помадой, которую он всегда ненавидел.

– Хочешь его добить? – шепчет Кира, склоняясь ко мне ближе.

– Чем? Улыбкой?

– Не знаю, может танцем с мужчиной за соседним столиком.

Я поворачиваюсь к ней с приподнятой бровью, но не успеваю ответить.

Эрик поднимается и вновь подходит прямо к нашему столику.

Тяжёлые шаги. Тот самый взгляд, от которого у меня когда-то пересыхало горло. Только теперь – нет.

– Привет еще раз, Агата, – говорит он, почти ровно, но я чувствую – голос ему подводит.

Я поднимаю глаза. И улыбаюсь. Без теплоты. Смертельно вежливо.

– Привет, Эрик.

Он переводит взгляд на Киру, кивает, и снова на меня.

– И давно ты вернулась? Чем занимаешься

– Достаточно. – Я облокачиваюсь на стол, будто неторопливо. Но внутри – как струна. –

Что-то случилось?

Он будто запинается. Первый раз вижу его неуверенным.

– Ты... хорошо выглядишь.

Смех Киры звучит, как выстрел. Я не сдерживаюсь, улыбаюсь шире. В голосе – лёд:

– Спасибо. Свобода благотворно влияет.

Он щурится. Я вижу, как внутри него что-то вспыхивает, как будто слова вонзаются. Но он глотает это.

– Кто твой... – он косится в сторону соседнего стола, – знакомый?

Ах. Вот оно.

– Почему интересуешься?

Он сжимает челюсть.

– Просто... непривычно видеть тебя вот так.

– Как?

– Холодной. Чужой.

– Я давно уже чужая для тебя, Эрик. Привыкай.

Секунда тишины. Его спутница зовёт его из-за стола, звучно так, капризно. Он не реагирует.

– Ты ведь знаешь, Агата, – его голос становится ниже, глубже, – я всегда умел различать, когда ты притворяешься.

– А ты знаешь, что мне уже не нужно перед тобой притворяться?

Он хочет что-то сказать. Сглатывает. А потом вдруг – наклоняется ближе, и я ощущаю его дыхание у щеки. Голос – почти шёпот:

– Возможно, я не забыл тебя...

Я не отстраняюсь, а только поворачиваюсь и спокойно произношу:

– А я забыла. И тебе тоже придётся.

Он выпрямляется, молча. А после уходит. Резко. Спина напряжённая, шаги громкие. За его столиком снова шевеление, девушка капризно хмурится. Эрик – напряжён, злой, его челюсть ходит. Он не слушает Барби. Он что-то говорит ей сквозь зубы, хватается пиджак и уходит из кафе.

Кира присвистывает.

– Вот это было сильно. Ты его разорвала, слышишь?

Я не отвечаю. Просто медленно отворачиваюсь, подхожу к окну. Воздух кажется густым, как туман, и я буквально продаираюсь сквозь него, чтобы отдышаться. Снаружи вечер – мутный, серый, как смятая бумага. А внутри... внутри всё трещит.

Маска держится. Снаружи я спокойна, собрана. Но внутри – вулкан, который то вот-вот рванёт, то вдруг замирает подо льдом. Меня кидает из жары в ледяную стужу, как в лихорадке. Это отвратительно. Это пугает.

Эрик... после всего. После предательства, после той бездонной тишины, когда он просто исчез, оставив меня в обломках нашей общей жизни. После боли, от которой я думала, не встану. Он не имеет права... Не должен больше ничего во мне трогать. Ни сердца, ни мыслей.

Для меня его больше нет. Я сама это решила. Я выжгла его из себя.

Так почему? Почему эта дрожь в груди? Почему я злюсь и волнуюсь, как девчонка на первом свидании?

Меня трясёт не от холода. От ярости. От обиды. От того, что он всё ещё может влиять на моё дыхание.

И это – самое страшное.

Глава 5

С утра я едва заставляю себя проглотить кусочек хлеба с колбасой. Ком в горле. Волнуюсь, как перед экзаменом, потому что сегодня у меня собеседование. Наконец-то вакансия по моей специальности. Программист-дессинатор – профессия редкая, узкая. Такие нужны только на производстве – в основном на ткацких или текстильных фабриках. И тут вдруг – чудо. В нашем городе, где раньше, кроме как в торговом центре или в аптеке, найти работу было проблемой, открывается цех. Современный, частный, с хорошей зарплатой.

Я стою у входа, сжимаю пальцы в кулаки. Дышу глубоко. Всё получится. Я должна. Ради мамы. Ради нас обеих.

Офис – просторный, с высокими потолками и запахом металла, смешанным с чем-то тёплым, пряжей. Меня встречает мужчина средних лет с внимательными глазами и строгим выражением лица. Представляется технологом. Сразу – по делу. Просит диплом. Изучает внимательно, затем кивает:

– Пройдемте. Но сначала подпишите это.

Он протягивает бумагу – соглашение о неразглашении. Коротко объясняет: конкуренты, промышленные шпионы, дорогостоящие разработки. Всё должно оставаться в тайне. Я расписываюсь, рука чуть дрожит. Это очень серьезно.

Затем начинается настоящая проверка. Мне показывают рисунки дизайнера – сложные, с детальными узорами и переходами цвета. Задача – создать программу, чтобы машина смогла вывязать такой узор.

Пальцы по клавиатуре бегают уверенно. Голова кипит. Первый тест – неудача. Второй – снова брак. Но с третьего раза – ткань выходит гладкой, рисунок – точный, как на эскизе. Технолог поднимает брови, и впервые его лицо теплеет.

– Обычно уходит до десяти попыток. Вы справились с третьей. Вы нам подходите. Пройдёмте в отдел кадров.

Я почти не верю ушам. Всё происходящее как сон. Мама обрадуется, что я смогла доказать свой профессионализм.

Пока оформляют документы, технолог снова подходит:

– Вот ещё несколько макетов. Оцените. Как думаете, справитесь?

Смотрю внимательно. Сложно. Очень мелкая детализация, новые оттенки в середине узора, сложные переходы. Но я уже чувствую, как в голове выстраивается алгоритм.

– Да. Смогу, – отвечаю спокойно, уверенно.

Он улыбается.

– Отлично. Нам такие, как вы, нужны. Оформляйтесь и выходите поскорее. С завтрашнего дня?

Я киваю. Конечно. Я и сама этого хочу.

Кадровик – женщина лет пятидесяти, добрая, разговорчивая. Пока она готовит договор, рассказывает:

– Контракт – на год. Строгий, да. Но и оплата, и премии соответствующие. Только будьте внимательны: подписывая, вы соглашаетесь не разглашать информацию, не работать по специальности три года в пределах города и за его чертой в радиусе двухсот километров в случае увольнения и не программировать для третьих лиц. Штраф – два миллиона рублей и суд.

Я замираю.

– Это... для всех такие условия?

– Нет, только для тех, кто связан с производством. У нас были случаи. Конкуренты скопировали дизайн, выбросили его на рынок с дешёвыми нитками и, как вы понимаете, по низ-

кой цене – и шеф тогда потерял миллионы. Теперь всё под жёстким контролем. Но не переживайте, шеф у нас отличный. Люди за него горой. Он возит дизайнеров на выставки в Европу, а потом создает коллекции для крупных брендов. Полгорода тут работает. Он – человек дела.

Я слушаю, и внутри всё перемешивается. Страх. Восторг. Сомнение. Но главное – уверенность: я справлюсь. Устроюсь. Заработаю. Подниму маму на ноги. Без кредитов. Без чужой помощи.

– Вы первая женщина-программист у нас. Остальные – мужчины. Это показатель, – с улыбкой добавляет кадровик.

Я благодарю её и выхожу из кабинета. Солнце. Лёгкий ветер. Я вдыхаю воздух полной грудью, и в голове одна мысль: «Я это сделала».

Утром следующего дня я стою у ворот производственного цеха. Смотрю на часы – 07:58. Надо быть пунктуальной, особенно в первый день.

И вдруг рядом, словно из ниоткуда, тормозит чёрный внедорожник. До боли знакомая машина.

Сердце замирает. *Не может быть...*

Из машины выходит Эрик. Уверенный, деловой. В костюме. Улыбается кому-то у проходной. Его впускают внутрь без проверки, почти с поклоном.

Я в шоке. Это галлюцинация? Или он узнал, что я устроилась сюда?

Охранник замечает мое замешательство:

– Простите за задержку, сначала открыли шефу. Проходите.

– Шеф? – пересыхает во рту.

– Ну да. Это наш руководитель. – Он смотрит на меня как на странную.

Меня прошибает холодный пот. Всё плывёт перед глазами. Это невозможно. Это просто... нет.

Я устроилась на работу к Эрику?

Меня мутит. Ноги ватные. Я хватаюсь за ограду.

– Откройте. Я уйду, – говорю резко, в голосе дрожь.

– Не могу, – пожимает плечами охранник, настораживаясь. – С территории можно выйти только после разговора с шефом. И только в сопровождении службы безопасности.

– Что?! – у меня перехватывает дыхание. Я не верю. Это что, тюрьма?

И тут появляется он. Как по заказу. Спокойный, самодовольный. И с той самой улыбкой, которую я так хорошо помню.

– Проблемы? – спрашивает, будто ничего не произошло.

И я понимаю: всё только начинается, и кажется, первый раунд за ним.

Глава 6

Я иду за ним. Каблуки стучат по идеально вымытым плитам коридора, сердце – громче. Воздуха будто не хватает, но я заставляю себя держать спину прямо, голову – высоко. Не доставлю ему удовольствия увидеть, как мне страшно. Как дрожит внутри всё.

Он идёт передо мной, в своей идеально выглаженной рубашке, запах дорогого парфюма тянется следом, будто верёвка, которой меня медленно, методично душат. Открывает дверь в кабинет, широкий жест – как всегда театрально, с излишней самоуверенностью.

– Проходи, не стесняйся, – говорит он, как будто мы не бывшие супруги, а незнакомцы, случайно столкнувшиеся в коридоре. – О, ты даже не представляешь, как я был удивлён, когда увидел твою фамилию в списке. Думаю, у нас с отделом кадров будет серьёзный разговор.

Я вхожу. Офис огромный. Панорамные окна, массивный стол из тёмного дерева, кожаное кресло, аккуратные стопки бумаг. Всё дышит деньгами. Успехом. Жизнью, о которой мы мечтали с ним вдвоем и имели одни мысли на двоих... А потом я вылетела из его жизни, будто из поезда на полном ходу.

– Вот уж никогда бы не подумала, что ты на такое способен, – я поворачиваюсь к нему, в голосе холод. – Взять и нанять бывшую жену. Это что, новая степень мазохизма? Или так прижало, что решил рискнуть?

Он усмехается, неспешно садится в кресло, кладёт ногу на ногу, смотрит на меня как на диковинную зверушку.

– А ты, оказывается, по-прежнему дерзкая. Это даже мило. Знаешь, я ведь правда не знал, что это ты. У нас, видишь ли, есть специальный отдел, который занимается наймом. Я редко вмешиваюсь в такие вопросы. Но... теперь я точно рад, что вмешался.

– Рад? – я фыркаю. – Ты так спешил продемонстрировать мне своё богатство и власть, что не удосужился даже проверить, кого берёшь на работу?

– Я же сказал, не я подписываю контракты. – Он делает паузу и добавляет с нарочитой заботой: – Но ты, кстати, уже всё подписала, милая. Обязательства, контракт, условия о неразглашении... И, разумеется, пункт о двухнедельной отработке перед увольнением. Помнишь?

Он прищуривается, словно ловит меня на лжи.

– Ты серьёзно думаешь, что я останусь здесь работать? – я приближаюсь к столу, упираюсь в него ладонями. – С тобой? В этом офисе? После всего?

– А у тебя, Агата, выбор невелик, – он склоняет голову. – Нарушишь – два миллиона штрафа. Или хочешь, чтобы твоей маме стали звонить коллекторы?

– Ты... – я стискиваю зубы. – Подло даже для тебя.

Он улыбается. Спокойно. Без капли раскаяния. Его это, похоже, только забавляет.

– Что же тебя так тянет ко мне, Эрик? – я резко меняю интонацию, теперь в голосе насмешка, сарказм, яд. – Неужели до сих пор мечтаешь снова затащить меня в постель? Надеешься, что всё повторится? Что я упаду в твои руки и начну играть в семью?

Он молчит. И вдруг... в его глазах мелькает что-то незнакомое. Не злость. Не самодовольство. Что-то... почти уязвимое. Я замираю.

– Агата... – Он встаёт, обходит стол, останавливается близко. Слишком близко.

– О чём ты говоришь? Что за «после всего»? Что я сделал, что ты ненавидишь меня?

– Не строй из себя невинного! – я отшатываюсь. – Ты всё прекрасно знаешь.

– Нет. Не знаю. – Он хмурится. – Я до сих пор не понимаю, почему ты исчезла, почему оборвала всё. Почему ни одного объяснения? Только холод, тишина и развод.

– Хочешь правду? – я вскидываю подбородок. – А ты её точно выдержишь?

Он смотрит мне прямо в глаза. Долго. Тяжело.

Я смеюсь. Горько.

– Нет, Эрик. Уже поздно. Слишком много воды утекло. Слишком много боли. Мне хватило того ада, в который превратилась моя жизнь после нашей свадьбы.

– Какого ада?! – Он раздражён. – Ты не хочешь объяснить?

– А ты не хочешь вспомнить! – отрезаю. – Не сейчас. У меня есть работа. Я здесь не ради тебя.

Я разворачиваюсь, иду к двери. Голова кружится, сердце бешено колотится, руки дрожат, но я не оборачиваюсь.

– Покажешь мой офис? – говорю уже на пороге. – Или мне самой искать, где тут сидят те, кто пишет программы для твоих модненьких кардиганов?

Он молчит. Потом коротко кивает кому-то в коридоре:

– Миша, проводи Агату в её кабинет.

Я ухожу. С высоко поднятой головой. Пусть у него на глазах. Пусть он смотрит, как я справляюсь. Без него. Несмотря на него. Вопреки всему.

Но внутри... внутри всё горит. От ярости. От обиды. От старых ран, что снова вскрылись от одного его взгляда.

Глава 7

Меня проводят в кабинет, что находится чуть в стороне от общего зала с машинами и швейными цехами. Пространство скромное, но чистое и светлое. Одно узкое окно выходит на цех, шум вязальных машин глухо отзывается сквозь стены. Второе, широкое, – на улицу, во двор фабрики.

Холодный офис, лаконичный интерьер: серые стены, стекло, металл, чёткие линии. Всё так стерильно, так чуждо... и в то же время пропитано им. Эриком. Его почерком. Его властью.

Компьютер включён, график заданий уже висит на экране. На столе – аккуратно сложенные листы с эскизами. Те самые рисунки, к которым я должна подобрать алгоритм и адаптировать к машине. Я сажусь, делаю пару глубоких вдохов. Вроде бы всё нормально, но внутри – ком. Остатки его взгляда ещё будто обжигают кожу.

«Соберись, Агата. Тебе нужно работать. Ради мамы. Ради себя».

Я открываю программу. Начинаю вносить параметры. Пальцы бегают по клавиатуре, знакомые команды, знакомый код. Это моя территория. Мой язык. Здесь я сильна. Здесь я – не его бывшая жена. Я – специалист.

– Уже окунулась с головой? – раздаётся за спиной знакомый голос Эрика.

Я вздрагиваю.

– Мог бы хотя бы постучать.

– Это же мой цех. Могу заходить куда угодно, – он облокачивается на косяк. На нём костюм – тёмно-серый, с тонкой синей полоской. Рукава закатаны. Ворот расстёгнут. Он выглядит... чертовски уверенно. И раздражающе спокойно.

– Может, тогда тебе стоит следить, кого ты нанимаешь, если уже вламываешься в личное пространство?

Я сижу в рабочем кресле, пытаюсь не показать, как бешено колотится сердце.

Он усаживается напротив. Молча. Как будто мы не виделись только что.

– Ну и встреча, правда, – наконец произносит он, лениво откидываясь на спинку кресла. – Ты, оказывается, умеешь удивлять, Агата. Когда мы были вместе, ты поступала на медицинский, а в итоге стала программистом – технологом текстильного производства.

– Я могла бы сказать то же самое, – холодно бросаю. – Но не скажу. Ты меня не удивил ничем.

Он усмехается, чуть склонив голову набок:

– А ты неплохо придумала. Пришла с видом невинной овечки, и вот – почти угнездилась в моём логове. Что это было? Случайность или тщательно спланированная диверсия?

– Не придавай себе слишком много значения, – я скрещиваю руки на груди, стараясь казаться спокойной. – Я искала работу. Фабрик или цехов в нашем городишке, где нужен программист-дессинатор, нет. Я не знала, что это твоя фабрика. И, уж поверь, если бы знала, сюда бы не пришла.

Он фыркает, в глазах – привычная насмешка:

– Конечно. Совпадение. Ты до сих пор злишься, – констатирует он, не отрывая от меня взгляда. – Но ведь прошло десять лет, Агата.

– Десять лет. – Я резко оборачиваюсь, смотрю на него. – А у меня до сих пор перед глазами тот день, когда...

Я замолкаю. Слишком рано. Не сейчас. Не так.

Он подходит ближе, присаживается на край стола, совсем рядом. Нагло. По-хозяйски. Как будто между нами нет пропасти.

– Ты ведёшь себя так, будто я тебя предал. Но я ничего не сделал, – говорит он тихо. – Я не понимаю, в чём провинился.

Я не отвечаю. Просто смотрю на экран, делая вид, что анализирую код. Хотя перед глазами все расплывается, буквы дрожат.

– Ты ушла, – продолжает он. – Без объяснений. Без слов.

Я резко поднимаю взгляд.

– Не смей. Не смей прикидываться жертвой, Эрик.

– Как всегда, ты во всем винишь меня. Как всегда. А как же Тюмень? Тоже моя вина, что ты там расправила крылья?

Я замолкаю. Сердце гулко отзывается в груди. Он что, серьёзно?

– Прости, ты о чём?

Он прищуривается, и в голосе появляется что-то ядовитое:

– О том, как ты исчезла. Мать мне сказала, что ты встретила другого и не собираешься возвращаться. Я не верил в это до конца. Но сейчас подозреваю, что все же это была правда. Теперь вспоминаешь те времена? Или тебе удобнее забыть?

Меня будто обдают кипятком. Глаза распаиваются, я встаю, не в силах сидеть спокойно.

– Ты... Ты думаешь, что я бросила тебя ради другого?

– А разве не так было? – его голос почти спокоен, но я вижу, как сжимаются его кулаки на столе. – Ты ведь тогда и трубку не брала. Пропала.

Я обмираю. Всё внутри дрожит как осиновый лист.

– Я не брала трубку? – повторяю сдавленно. – Это Ты... Ты не отвечал. Я жила в съёмной комнате, еле сводила концы с концами. Писала тебе, звонила, молила приехать. Матери твоей звонила. Но в ответ – тишина. Ни слова. Ни рубля мне никто не выслал. Твоя мать сказала, что ты уехал. А когда я вернулась через полгода, то узнала, что ты уже в Германии и у тебя там – невеста! Падчерица твоего дяди.

– Невеста? – он поднимается, его голос тоже дрожит. – Это была деловая договорённость, фикция! Ты вообще не представляешь, что тогда происходило!

– А ты представляешь, каково это – ночевать на вокзале, надеясь, что твой муж приедет за тобой? А он – даже не звонит!

Мы уже стоим друг напротив друга.

Напряжение как раскалённая проволока между нами. Ни один не отступает. Гордость не позволяет.

Он сжимает челюсти, отворачивается на секунду, будто пытается переварить услышанное. Потом снова смотрит прямо на меня.

– Значит, просто недопонимание? Вот так легко, оказывается, мы разошлись?

Я только качаю головой. И в этот момент понимаю: он действительно не знает. Не понимает. Не видел той агонии, в которой я была. Не знает всей правды.

Но я не собираюсь всё выкладывать прямо сейчас. Он не заслуживает этого.

Я смеюсь – горько, без радости.

– Нет, Эрик. Это был не легко, это был ад. И ты оставил меня в нём. А теперь – прости, но я не собираюсь переживать его снова.

– Объясни! – вспыхивает он. – Я с ума сходил. Ты исчезла. Исчезла, Агата. Я просыпался в пустой квартире и пытался вспомнить, что сделал. Что сказал. Но всё было как обычно.

– Именно в этом и проблема. – Мой голос едва слышен. – Всё было как обычно.

Он смотрит на меня непонимающе. Я чувствую, как во мне поднимается старая ярость. Горькая, тяжёлая, с привкусом предательства и одиночества. Но я не могу – ещё не могу – вывернуть всё это наружу.

– Было ошибкой устраиваться к тебе на работу. Давай расторгнем контракт без шумихи. Эти встречи для нас обоих болезненны....

– Ты подписала договор, – глухо напоминает он, переходя обратно на деловой тон. – Минимум две недели работы. Обязательства. Конфиденциальность. Забыла? Я действовал, рационально, нанимая тебя на работу. Ты хороший специалист.

Я вскидываю бровь.

– Рационально? – я делаю шаг ближе. – А может, это был повод приблизиться? Что, хочешь вернуть меня? Мечтаешь, что чувства снова вспыхнут между нами?

Он напрягается. Взгляд колючий, цепкий. Но не отвечает и не отрицает.

Я улыбаюсь холодно:

– Забудь. Этого не будет, – шепчу я. – Эрик у тебя два выхода, – говорю, выпрямляясь. – Либо ты продолжаешь меня мучить, пытаешься выудить то, чего пока не получишь. Либо дашь мне работать. Мы оба взрослые люди. И, как ты сам сказал, я подписала контракт.

– Ты боишься, что я узнаю правду?

Я молчу.

Он водит пальцем по столу, задерживает руку на краю моей клавиатуры. Взгляд – тяжёлый.

– Не забывай, ты работаешь на меня. Я всё равно узнаю, Агата.

Я усмехаюсь.

– Будь осторожен, Эрик. Не уверена, что тебе понравится то, что ты услышишь.

Он замирает на секунду, затем кивает:

– Продолжай работать. У тебя сегодня пробный запуск на третьей машине. Вторая половина дня – тебе на пробы. Постарайся не облажаться и не наделай много брака.

– О, не переживай. Я не из тех, кто даёт сбой на данном этапе, – сжимаю губы в усмешке. – Я воспользуюсь положением? Не у всех же бывших жен такой мощный карьерный рост – прямо под руководство собственного экса.

– Сама пришла, – бросает он, разворачиваясь к выходу. – Значит, всё ещё тянешься ко мне.

– Даже если бы ты был последним мужчиной на этой планете, я и то... Я бы, скорее всего, ушла к волкам.

Он уходит. Не оглядывается. Но дверь за ним закрывается с таким хлопком, что я подсакиваю на месте.

И остаюсь одна.

Одна в кабинете. В своей новой реальности. В прошлом, которое снова ворвалось в мою жизнь и теперь не отпустит, пока не получит ответы.

И самое страшное – внутри что-то шепчет, что я тоже хочу разобраться в нашем прошлом и найти нужные ответы.

Глава 8

Эрик

Я сижу в своём кабинете, дверь плотно закрыта. Экран монитора перед глазами, но я его не вижу. Мысли – далеко. В том дурацком утре, в том взгляде Агаты. В её словах, колючих, как иглы.

«Мне хватило того ада, что случился после нашей свадьбы», – крутится у меня в голове. Что она имела в виду?

Я вбиваю пароль в архив переписок. Да, у меня всё хранится. Даже старый номер Агаты. Я открываю историю звонков. Звонил ли я ей? Да. Много раз. Все вызовы – без ответа. А с её стороны? Ничего. Ни одного звонка. Ни сообщения. Пусто.

Меня прошибает холод. Тогда, когда я сходил с ума от неизвестности, она молчала. Или... просто не хотела говорить?

Я хватаю телефон. Набираю номер матери.

– Алло? – голос родной, тёплый, и в то же время уверенный.

– Мама... Я только один вопрос задам. Ты точно говорила мне правду об Агате? Тогда, десять лет назад? Мне нужно знать. Тогда, когда Агата уехала с тобой в Тюмень... Ты говорила, что она встретила другого. Что она сказала, будто больше не любит меня?.. Она действительно?.. Ты говорила, что она нашла другого. Это правда?

Короткая пауза. Потом выдох – тяжёлый.

– Эрик? Что-то случилось? – в её голосе беспокойство. – Десять лет прошло, сын, почему ты опять это вспоминаешь? Смотри только вперед, зачем оглядываешься назад? Ты сейчас такой успешный предприниматель, зачем ворошить прошлое?

– Мам, я хочу знать. Повтори то, что сказала мне тогда.

– Сынок... – тяжёлый выдох. – Я всегда хотела тебе только лучшего. Разве ты не помнишь, в каком состоянии ты был? Ты ночами не спал, искал её, а она... Она бегала по свиданиям.

– Мам... – я чувствую, как сжимаются кулаки. – Откуда ты это знаешь?

– Эрик, сын, я же твоя мама, – вздыхает она. – Я бы никогда не солгала, чтобы разрушить твое счастье. Но и скрывать горькую правду я тоже не могла. Поэтому рассказала. Ты у меня единственный сын. Я всю жизнь для тебя старалась. С детства защищала, учила и старалась, чтобы ты вырос правильным и воспитанным ребенком. Ты думаешь, я хотела тебе зла? Нет! Я хотела, чтобы ты был счастлив. А эта девочка... она же не для тебя. Я сразу это увидела. Агата, она... ветреная. Ты же не видел, как она вела себя, как смотрела на других, более успешных, чем ты. Я же тебе всё уже тогда объяснила. Пока я стояла на рынке, она бегала на свидания с руководителем рынка, молодым мужчиной, который выдал нам разрешение на торговлю. Думаешь, мне легко это вспоминать?

– Мам... – я напрягаюсь. – Ты уверена, что не преувеличиваешь?

– Эрик! – перебивает она, с надрывом. – Я всё видела своими глазами. Я торговала, чтобы хоть чем-то вам, молодым, помочь. А она флиртвала с мужчиной. Ты думаешь, я бы соврала тебе? Эрик, сынок... – в голосе появляется что-то мягкое, почти жалобное. – Помнишь, как легко она согласилась поехать со мной? Как будто мечтала уехать из нашего городка. Я предложила, и она, даже не раздумывая, согласилась, даже у тебя не спросила тогда, хотя уже была замужем.

– Я просто хочу понять, – жёстко говорю. – Ты точно уверена, что всё было именно так? Что она сама это сказала, что не хочет возвращаться и встретила нового мужчину?

– Эрик, милый, ты что, опять себя мучаешь? – голос дрожит, но уверенный. – Разве ты не помнишь, как ты сам ездил к ней в Тюмень, в тот хостел, где мы с ней снимали комнату? Разве ты не помнишь, что она уже оттуда съехала? С каким-то мужчиной. Даже телефон сменила, чтобы ты не смог с ней связаться.

Я замираю. Да. Это правда. Как только мама приехала и рассказала обо всем, я поехал в Тюмень. Пришлось занимать на билет у друзей и соседей, так как денег тогда было очень мало в семье. Хостес тогда мне сказала, что сначала съехала Агата, а после мама уехала. И больше она никого не видела.

– Она сама сказала, что влюбилась, что не вернётся. Разве ты не помнишь? Я просто повторила её слова. Я защищала тебя. Она бы разрушила тебя, как разрушила бы любого.

Я сижу, словно ударенный. Её голос, тёплый и уверенный, проникает под кожу. Всё звучит так логично. Так складно. Так... убедительно. Это же моя мама. Она вырастила меня. Она всегда говорила правду.

Значит, всё, что говорит Агата, – ложь? Она пытается сделать меня виноватым? Обернуть всё так, будто я бросил её? А она бедная и брошенная?

Внутри всё сжимается. Что, если я и правда зря начал сомневаться? Что, если это она... просто хорошая актриса?

– Сынок, я тебя родила! Я бы жизнь отдала, чтобы тебя не ранили. И тогда, когда ты был разбит, когда лежал, не ел, не говорил... ты забыл? Кто был рядом? Я! А где была она? Где была та, кто якобы так тебя «любила»?

Я молчу. Ком в горле. Голос матери – искренний, надрывный. Она звучит как женщина, которая пережила боль. Которая не просто зла на кого-то за причиненную ее сыну боль, она ненавидит всем сердцем.

Сердце сжимается. Я хочу все же возразить. Хочу сказать, что она, возможно, ошибалась. Но... я же знаю маму. Она никогда не врала мне. Никогда не манипулировала. Или?.. Нет. Или всё-таки?.. Сомнение гнездится глубже, чем мне хотелось бы.

Молчание давит на грудь. Мамины слова звучат слишком логично. Слишком стройно, как цепочка, в которой всё встаёт на свои места. Разве она бы солгала мне? Моя мать? Та, что ночами варила мне еду, когда я не мог есть? Которая за руку держала, когда я валился с ног от боли?

– Я тебя люблю, сын. Всегда любила. И никогда бы не солгала. Подумай, Эрик. Подумай, что ты знаешь обо мне. Я – твоя мать. А она? Просто девочка, которая когда-то захотела свободы.

– Мама, Агата вернулась в город. Она говорит, что звонила, что просила о помощи и никого у нее не было...

Тишина. И вдруг мама раздраженно выкрикивает:

– Она врёт! Ты же сам тогда звонил ей десятки раз. Я помню, как ты ждал. Как сжимал телефон в руке, надеясь. А она – ни одного ответа. Ни одного звонка в ответ. Знаешь, что это значит? Что она уже сделала выбор. А её мать? Ты же ходил к ней, спрашивал. Разве она не сказала уверенно, что Агата сама решила остаться в Тюмени? Что она влюбилась? Что не вернётся?

Я молчу. Да, действительно, теща мне так и сказала. Она мне тогда сказала, что всё у Агаты хорошо, что она звонила и сказала, что приедет, но чуть позже, и у нее сюрприз, о котором она расскажет по приезде.

– Разве не так было? – продолжает мама уже более спокойно. – И её мать тогда тебе то же самое сказала. Что Агата сама решила остаться. Так в чём ты меня обвиняешь? В том, что я сказала тебе правду?

В голове шум. Мама говорит спокойно, мягко, но её голос словно режет по живому. В нём столько уверенности, столько материнской любви, что мои сомнения гложут.

– Я всегда тебя только любила, Эрик. Я всё делала, чтобы тебя спасти от боли. Ты тогда был сломлен, растерян, а она – девчонка, которая умела только красиво говорить. Ты сам всё видел. Только почему ты теперь ставишь её слова выше моих? – в голосе появляются слёзы. – Я же мать тебе. Я бы не предала. Она приехала. И теперь... теперь она вдруг решила тебя обвинить? Нет, милый. Это она ушла. Она предала. А ты... ты просто пытался выжить после этого. А теперь ей скучно. Она хочет твоих денег, твоего положения в обществе. Но у меня только одна просьба к тебе, сынок: деньги не важны, только не позволяй ей снова причинить тебе боль.

Мама, не дождавшись от меня ответа, продолжает:

– Сынок, я тебя прошу... Не позволяй ей снова обмануть тебя. Ты думаешь, я хотела вашей разлуки? Нет. Но если бы ты тогда встретился с ней, она бы сделала из тебя тряпку. Ты не был бы тем, кем стал. А теперь посмотри на себя. Ты сильный. Успешный. Тебя уважают. Она этого не выдержала. Вот почему она снова здесь. Потому что теперь у тебя есть все, что только ты захочешь. И она это знает и хочет это все прибрать к рукам.

Я отключаюсь. Упираюсь руками в стол.

Комната будто наклоняется.

Я закрываю глаза. Всё звучит слишком правдоподобно. И всё же... что-то внутри меня скребётся. Что-то не даёт поверить полностью. Что-то не складывается. Но что именно?

Я встаю, не чувствуя под собой ног. Мир рушится, не со скрипом – с грохотом. Или я рушу его сам. Опять.

Две правды. Две женщины. И я – между ними. Один.

Я сжимаю зубы. Если то, что говорит мама, правда, я не позволю Агате разыграть из себя жертву!

Глава 9

Я встаю на рассвете. Под глазами – тени, в груди – гулкое волнение. Сегодня мой второй рабочий день на фабрике. На фабрике Эрика. И что бы я ни твердила себе ночью, как бы ни убеждала, что всё под контролем – стоило взглянуть в зеркало, и становилось ясно: я нервничаю. Слишком сильно.

Я прихожу в офис ровно к восьми, как указано в договоре. На мне светлая рубашка, собранные волосы, минимум макияжа. Вид у меня, надо признать, собранный. Вот только внутри всё ходуном. Сердце колотится, как у школьницы перед экзаменом. Не потому что боюсь работы. Потому что он – здесь. Где-то рядом.

У ворот цеха я встречаюсь взглядом с охранником. Он кивает, словно не замечая моего внутреннего дрожания.

– Доброе утро, Агата. Проходите. Босс уже внутри.

Босс. Я морщусь. Это слово теперь имеет совершенно другое значение. Я прохожу через калитку, и в тот же момент у бокового входа появляется он.

В темно-синей рубашке, закатанные рукава, на виске блестит капля влаги —, возможно, от недавнего душа или утренней пробежки. Он не улыбается, не здоровается. Просто смотрит. В упор. Холодно. Долго.

– Агата, – голос резкий, чёткий, без малейших колебаний. – Второй день, и ты уже опаздываешь. У нас здесь не модельное агентство. Минуты – деньги.

Я оборачиваюсь. Руки скрещены на груди. Его рубашка идеально сидит на плечах, взгляд колючий, как лезвие.

– Я пришла ровно к восьми, – отвечаю, удерживая его взгляд.

– Значит, приходи в 7:55. Чтобы в восемь уже работать, а не в зеркало любоваться.

Вот так, да? Хорошо. Я сдержанно киваю, прохожу мимо него, но чувствую, как он разворачивается и идёт следом. Его шаги – как удары молота.

Он провожает меня в кабинет.

– Ознакомься с задачами, – бросает он. – Сегодня ты после обеда работаешь в логистике. Тебе выдали графики поставок, заявки от отделов и протоколы проверок. Ошибёшься – задержка, штраф, неустойка. Я не собираюсь прикрывать твои ошибки. Здесь не школа жизни, Агата. Здесь работа.

Я сжимаю губы. Не дам ему наслаждаться моментом.

– Вообще-то я не нанималась на эту должность. Но, так как имею опыт работы и понимаю, что работники должны быть взаимозаменяемые и помогать друг другу, я не отказываюсь от другого фронта работы. Не волнуйся. Я справлюсь. Даже лучше, чем некоторые, кто сюда только потому и попал, что носит твою фамилию.

Да, вчера я узнала, что его сестры сидят в отделе бухгалтерии. Это соседнее административное здание его фабрики.

Он подаётся вперёд, ухмыляется:

– Значит, ты хочешь доказать, что не зря здесь? Хорошо. Я дам тебе шанс. Только помни: здесь не Тюмень, где можно съехать с хостела к очередному "ухажёру" и исчезнуть. Тут придётся работать.

Я резко оборачиваюсь, сердце обжигает ярость:

– Ты, правда, до сих пор веришь в эту чушь?

– Я верю фактам, – сухо отвечает он. – А факты говорят, что ты исчезла, сменила номер и больше ни разу не попыталась выйти на связь.

Я качаю головой, сдерживая дрожь:

– Когда-нибудь ты поймёшь, насколько сильно ошибался. Только вот будет уже поздно.

Он приближается ближе. Слишком близко. Между нами несколько сантиметров.

– И ты правда думаешь, что можно просто вернуться и всё переиграть? – его голос глухой, будто сдерживает крик. – Что тебе всё сойдёт с рук?

– Я сюда пришла работать. А не искать прощения, которое мне не нужно.

Его глаза сверкают. И всё же он отступает.

– Тогда докажи. У тебя сегодня до конца дня, чтобы вникнуть в систему. Завтра – ежедневный отчёт. Ошибки – внеурочные. Я не буду делать скидку на твои бывшие заслуги... или на то, кем ты мне была.

Он уходит, оставляя после себя запах дорогого парфюма и тяжёлый осадок в груди.

И это всё? Ни слова? Ни намёка на то, что вчерашний разговор хоть что-то изменил? Меня передёргивает. Плевать. Я здесь ради мамы. Ради денег. Ради себя.

Алексей, молодой технолог с добрыми глазами, помогает мне включить систему. Я подключаюсь к станку Штоль. Всё, что вчера тестировала, – теперь мой постоянный инструмент.

– Ты и правда программист? – удивляется он, наблюдая, как я адаптирую новую палитру под сложную вязаную структуру. – Мы обычно таких, как ты, из Москвы ждали.

– А я вот из Тюмени, – говорю, не поднимая глаз.

– Сама приехала? Или кто-то пригласил? – голос у него слишком невинный, чтобы быть невинным.

– Работа пригласила, – резко отвечаю.

Он отступает, смущённо хмыкает и отходит к своим бумагам.

В обед Эрик появляется снова. Молча встает у входа в мой кабинет. Наблюдает. Минуты две. Я чувствую этот взгляд. Он буквально прожигает мне спину.

– Хочешь показать, что ты умеешь, или просто пришла сидеть? – наконец говорит он, и в голосе столько вызова, что я вскидываю голову.

– Я уже скомпилировала первую часть программы. Можешь проверить лог-файл.

Он подходит ближе. Встает за моей спиной. Его рука скользит по столешнице рядом с моей. Случайно? Не думаю. Сердце предательски замирает. Он пахнет чем-то дорогим. Спокойным. Слишком знакомым.

– Не думал, что ты справишься так быстро, – тихо говорит. – Умнее, чем была. И сосредоточеннее.

Я поворачиваю голову и смотрю ему в глаза:

– Люди меняются, Эрик. Особенно после предательства.

– Или после того, как сбегает от любимого человека. – Его голос становится жёстче.

Я отворачиваюсь.

– Лучше бы тебе проверить выходной код, а не тратить время на пустые обвинения.

Он хмыкает.

– Ты всегда была дерзкой. Это даже... заводит. После обеда тебя ждут в отделе логистики. – И уходит.

До обеда я работаю как автомат. Машина гудит, рисунок формируется, а у меня перед глазами – его лицо. Тот взгляд. Та холодная усмешка.

Позже, уже после обеда, когда я беру на руки первый образец вывязанного полотна, Эрик неожиданно появляется снова. В этот раз он не шутит, не язвит. Он берёт полотно в руки, разворачивает.

– Ты... молодец. – Тихо, почти шёпотом.

Я впервые вижу в его глазах не злость, не обвинение. А что-то другое. Гордость?

– Приятно удивлена, что ты способен это признать, – говорю. – Видимо, сегодня и вправду день чудес.

– А ты всё такая же... – он прищуривается. – Ядовитая. Но красивая. Когда работаешь – особенно.

У меня всё внутри переворачивается. Чёрт бы тебя побрал, Эрик. Зачем ты так смотришь? Зачем эти полутона? Эти слова? Не трогай меня. Не трогай прошлое.

– Я ушла в отдел логистики, но учти, это первый и последний раз. Пока я не добьюсь нужного результата больше не смей меня кидать в другой отдел, – бросаю и иду прочь, не оглядываясь.

За спиной тишина. Но я чувствую – он смотрит. До самой двери.

Вгрызаюсь в работу. Часы летят. Бумаги, таблицы, схемы. Всё – новое. Я еле справляюсь. Отдел логистики – как большой муравейник: шум, цифры, звонки. Я задаю вопросы, получаю короткие, иногда усталые ответы. Коллеги сначала смотрят с опаской, потом – с удивлением. Я не ною. Не жалуясь. Работаю.

Ближе к вечеру захожу в кабинет к Эрику, с бумагами о выполненной работе. Он сидит за столом, пальцы бегают по клавиатуре. На его лице – лёгкая тень усталости, но глаза всё те же. Холодные.

– Что-то случилось? – спрашивает, не поднимая взгляда.

– Нет. Я закончила.

Он берёт листы из моих рук. Внимательно просматривает. Несколько минут тишины. Потом – короткое:

– Не плохо.

– Только "не плохо"? – не удерживаюсь.

Он смотрит прямо в меня. И в его взгляде – что-то, что пробирает до костей.

– Лучше, чем я ожидал. Намного. Хотя я не знаю, кому ты больше что-то хочешь доказать – мне или себе.

Я прикусываю губу. Хочу сказать что-то колкое. Но не могу. Вместо этого поворачиваюсь к двери.

– Я завтра приду раньше. В 7:55. Чтобы не слышать твои язвительные комментарии.

Он усмехается:

– Я не комментирую. Я просто наблюдаю. А то, что ты всё ещё умеешь удивлять – это, пожалуй, приятно.

И вот это – выбивает у меня почву из-под ног. Приятно? Мне? Ему?

– Не надейся, – бросаю через плечо. – Я здесь не для того, чтобы тебе нравиться.

– А жаль, – слышу в ответ. – Ты в этом всегда была хороша.

Словно ножом по коже. Закрываю за собой дверь и выдыхаю. Грудь стянуло, руки дрожат. Чёрт бы тебя побрал, Эрик.

Глава 10

Я едва узнала себя в зеркале.

Слишком яркая помада. Слишком чёткие стрелки. Волосы – волной, как раньше. Те же серёжки, что носила в студенчестве. Я собиралась просто заглянуть на пару часов, подарить вино, сказать тост и – исчезнуть. Но теперь, глядя на своё отражение, я понимала: я готовилась. Не к вечеринке. К встрече. Даже если сама себе в этом не признавалась.

«Ты же сильная. Ты справилась. Ты не боишься. Ни его, ни воспоминаний».

Я повторяла это, пока ехала за город. Пока фары выхватывали из темноты силуэты деревьев и заборов. Пока сердце стучало так, будто я опаздываю на экзамен – на самый важный экзамен в жизни.

Я не собиралась никуда идти. После рабочего дня и больницы хотелось только в душ, плед и забыться. Но моя одноклассница Лариса, которая вышла замуж за одноклассника Эрика, позвонила и почти умоляла: «Агата, ты же теперь снова в городе! Ты должна прийти! Мы сто лет не виделись. У меня же день рождения».

Я согласилась. Не из вежливости. Не из желания. А чтобы доказать самой себе, что мне плевать. Что я ничего не боюсь, и встретиться с людьми из прошлого – тоже.

Дом был больше, чем я ожидала. Не дача – целый особняк. Панорамные окна, тёплый свет изнутри, музыка льётся через стекло, как в новогоднем фильме.

Я стою на пороге, прижав подарок к груди, и на секунду думаю: «Развернуться и уехать?» Но дверь уже открывается. И Лариса – сияющая, с бокалом в руке – обнимает меня:

– Агата! Ну наконец-то! Я уж думала, ты передумала!

– Я почти... – улыбаюсь, хотя внутри всё ноет.

Лариса умеет устраивать праздники.

Скатерти с золотым узором, лёгкий саксофонный джаз в живом исполнении, свечи в фонарях – как будто не на даче, а на приёме у элиты.

Я стою у порога, сдержанно улыбаюсь.

Смотрю на стол, за которым полно знакомых лиц. Почти все – из прошлого. Из того города, который я покинула.

Из той жизни, где была влюблена, как дура.

Меня затягивает внутрь шум, смех, тепло, запах специй и парфюма. Повсюду знакомые лица – старые друзья, одноклассники Эрика, кого-то помню, кого-то – нет. Кто-то машет, кто-то подмигивает, кто-то уже шепчется:

– Ты видела? Это она...

– С ума сойти, столько лет прошло...

И тут я чувствую (не вижу, а именно чувствую), как на меня смотрят. Жёстко. Точно. До мурашек.

Поворачиваю голову.

Он стоит у барной стойки. Темно-синяя рубашка, расстёгнутый воротник, рука в кармане. Свет лампы сбоку подчеркивает линию скулы. Он будто не изменился. Или, наоборот, стал тем, кем всегда должен был быть.

Эрик.

Он не улыбается. Не здоровается. Просто смотрит. Как будто видит меня заново. Как будто я – чужая. Или, наоборот, слишком знакомая, чтобы что-то говорить.

Сердце сжимается, но я держусь. Прохожу мимо, будто ничего не случилось. Хотя всё уже случилось – в ту самую секунду, когда наши взгляды встретились.

– О-о-о! Ну надо же! Агата! Сколько лет, сколько зим! – кричит кто-то от стола. – Иди сюда, у нас тост за старую гвардию!

Садимся с Ларисой рядом. Она придвигается ближе и шепчет:

– Надеюсь, ты не в обиде, что мы и Эрика пригласили. Все же он друг Андрея.

– Нет, все нормально, – отвечаю тихо.

– Ну, теперь вы хотя бы не на ножах, раз вместе работаете. Может, этот вечер всё и наладит?

Я не отвечаю. Потому что с другой стороны стола он уже сел. Прямо напротив. Бокал в руке. Подбородок чуть приподнят. Тот самый взгляд. Знающий. Больной. Острый.

Я снова среди людей. Но чувствую себя в капкане. Или как на сцене, где свет софитов вырывает нас с ним из толпы и оставляет только двоих.

И тогда:

– Агата, – вдруг говорит один из друзей, – а ты помнишь, как на выпускном Эрик тебе в любви признался?

Смеются. Кто-то хлопает Эрика по плечу. Кто-то кричит:

– Да ты же тогда на колено встал, придурок!

Смех, улюлюканье, аплодисменты. Кто-то даже встаёт, чтобы изобразить.

– Ты тогда растерялась! А он весь такой: «Я женюсь на ней!» – кричит Андрей, хозяин дома, и задыхается от смеха.

А Эрик... просто смотрит на меня.

– Было дело, – спокойно говорит.

– Смешно сейчас, а тогда – жизнь закрутилась с этого признания, – кто-то добавляет.

– Ученица девятого класса и одиннадцатиклассник. Скандал в школе был, помните?

И мне вдруг хочется провалиться сквозь землю. Или встать. Или просто исчезнуть.

Но я остаюсь.

– Да, знаменитая парочка была. Самая красивая в школе.

Смех за столом гремит, как барабанная дробь. Кто-то вспоминает нашу первую встречу. Кто-то рассказывает, как Эрик дрался с каким-то парнем из соседней школы, когда тот начал флиртовать со мной. Один из друзей поднимает бокал за «первых девушек, которые навсегда останутся в сердце».

– Особенно если они потом становятся женами, – добавляет кто-то с иронией.

– А потом – бывшими, – с усмешкой вторит другой, и за столом снова волна смеха.

Я держусь. Улыбаюсь. Глотаю вино и смеюсь с ними. Вроде бы. Но в какой-то момент ловлю себя на том, что не слышу ничего. Всё становится размытым. Шум – глухой, как под водой. Я только чувствую – его. Напротив. Глаза Эрика неотрывны.

Он не пьян. Он слишком трезв. И слишком внимателен.

А потом начинается суета. Кто-то зовёт на улицу: «Там мангал и кальян». Кто-то уходит играть в бильярд. Лариса хлопает в ладоши:

– Кто в баню? Там уже всё разогрето!

Я встаю. Просто так. Без плана. Чтобы проветриться.

Глава 11

– Пойдём, я тебе дом покажу, – Лариса берёт меня под руку, её пальцы тёплые и крепкие. Улыбается широко, с какой-то детской радостью в глазах, и ведёт по просторному коридору с ароматом свежего дерева.

– Андрей и я мечтали о своём доме за городом, – начинает она, оглядываясь по сторонам, будто всё ещё не верит, что это реальность. – Недалеко от города, но с воздухом, тишиной... Хотим переехать сюда окончательно и уже отсюда на работу ездить. Строили почти три года. Сами, без подрядчиков. Устали до чёртиков. Теперь просто хотим жить. Без суеты. Для себя.

Я провожу ладонью по прохладной стене, чувствую фактуру камня.

– Дом великолепный, Лар... Вы с Андреем – большие молодцы. Он дышит вами. Уютом. Теплом.

– Спасибо, – её голос дрогнул. – А ты как? Долго планируешь здесь остаться? Я помню, вы с мамой всё продали после смерти отца и переехали в Тюмень. А потом... наследство от тёти, мама вернулась. Я ведь помогала вам с оформлением, помнишь?

– Конечно, помню. Если бы не ты... – я опускаю взгляд. – Нам бы тогда пришлось очень тяжело.

В горле першит. Вспоминаю тот отчаянный, мутный период. Смерть тёти. Мамины бессонные ночи. И как какая-то мутная организация пыталась хитрыми схемами лишиться маму наследства. А Лариса была рядом. Выбивала справки. Ходила в суд. Вела за руку. Без неё мы бы не справились.

Мы заканчиваем осмотр дома. Последнее помещение – уютная мансардная комната с видом на лес. А потом возвращаемся во двор.

В воздухе пахнет дымом и специями. Мужчины у мангала – смеются, шумно обсуждают, кто как маринует мясо.

Эрик сидит у костра. В руке – стакан с янтарной жидкостью, может виски, может самодельный компот, кто его знает. Он откидывается назад, смеётся – тем самым смехом, который раньше умел согреть, а теперь режет слух, как стекло.

Наши взгляды встречаются. На долю секунды.

И будто что-то хрустнуло между нами. Хрупкое, незащищённое.

Я резко отвожу глаза. Пытаюсь держаться подальше. Но не выходит. Он всюду. Его движения мелькают на периферии, его голос звучит слишком близко, он будто проникает под кожу. Даже его смех раздражает. Слишком громкий. Слишком знакомый.

Кто-то из гостей машет Ларисе – она улыбается, отвечает жестом. Рядом стоящий с Эриком мужчина вдруг хлопает себя по лбу:

– А я вспомнил, как ты, Эрик, Агате на день рождения серенаду под окнами пел! Помнишь?

– Не пел, – отзывается Эрик, не меняя интонации. – Сидел под окном с колонкой. В ливень. А она не вышла.

В его голосе – укор. Не явный. Но точный. Как игла под ноготь.

Я поджимаю губы. Холод внутри поднимается по груди, как ртуть в термометре.

– Потому что у меня температура была под сорок, – вырывается прежде, чем успеваю подумать.

На секунду наступает тишина. Глухая. Все оборачиваются. Смотрят. Кто с любопытством. Кто с неловкостью.

А потом – снова смех.

– И всё равно женились! – кто-то из друзей подмигивает. – А как он кольцо в коктейль уронил? Помнишь?

– Она его проглотила! – подхватывает другой. – А он потом с рентгеном по больнице бегал, как ненормальный!

Смеются. Весело, громко. Как тогда, в школе.

Я узнаю всех – друзья Эрика. Которые были свидетелями нашего безумного романа.

Эрик усмехается, слегка качает головой.

– Самый дорогой рентген в моей жизни, – говорит он. – Но оно того стоило.

И в этих словах – что-то большее. Глубже, чем шутка. Как эхо чего-то несказанного.

На миг все замолкают. Кто-то опускает взгляд в бокал. Кто-то ковыряет шашлык на шампуре.

– Да, были времена весёлые... – с тоской говорит Андрей, глядя в огонь. – Эх... где наша молодость?

– Андрей, тебе всего тридцать, ты чего загрустил? – смеётся Лариса, тыкая его локтем.

– Не знаю, – он вдруг становится серьёзным, задумчивым. – Просто... время летит. А иногда кажется, что не успеваешь жить.

Слова Андрея словно что-то задели внутри. Все замолкают. В воздухе повисает лёгкая тень грусти. Слышно только, как потрескивают дрова в мангале да где-то вдалеке кричит птица.

Лариса подходит ко мне снова, касаясь локтем.

– Слушай, – говорит она тихо, почти заговорщически, – пока мужики заняты мясом и философией... может, попаримся?

Я усмехаюсь, качаю головой.

– Предложение, конечно, соблазнительное, но я не рассчитывала на баню, Лар. Ни морально, ни физически. Давай в другой раз?

– Да перестань! – отмахивается она. – У нас с тобой примерно одна комплекция, я тебе всё дам: полотенце, тапочки, купальник, даже шампунь с запахом эвкалипта, будешь как новенькая. Расслабишься, разомнёшься. Тебе это нужно, я же вижу.

Я оглядываюсь. Все знакомые мужчины у мангала, гудят, как пчелиный улей. В доме – чужие люди, незнакомые. А баня... почему бы и нет? Час – не вечность. К тому же скоро стемнеет.

– Ладно, уговорила. Только на чуть-чуть.

– Вот и отлично! – радуется Лариса. – Пошли, у меня как раз есть один милый комплект, тебе понравится.

Мы поднимаемся на второй этаж. Спальня просторная, с большими окнами в пол, через которые пробивается мягкий закатный свет. Лариса открывает шкаф. Оттуда на меня высыпается целый арсенал: халаты, купальники, парные шапочки, флаконы с эфирными маслами.

– Так, этот слишком розовый... этот слишком открытый... вот, держи вот этот, тебе будет идеально!

Мы смеемся, как девчонки, спорим о цветах и фасонах и в итоге теряем счёт времени. Пока собирались, прошло, наверное, минут тридцать. Наконец, уже в лёгких халатах и с заколотыми волосами, мы выходим на улицу.

Проход к бане узкий, выложенный деревянными досками, освещён фонариками, проложенными вдоль дорожки. Воздух прохладный, пахнет травой и дымом. Я вдыхаю глубоко и впервые за весь день чувствую покой.

И тут у Ларисы звонит телефон. Она быстро вытаскивает его из кармана халата.

– Да, Андрюш... Что? Где она? Сейчас... – Она смотрит на меня, прикрывая трубку. – Ага, иди пока вперёд, баня уже разогрета. Я найду то, что ищет Андрей, отдам ему – и сразу к тебе. Ладно?

Я морщусь.

– Только недолго, ладно? Не хочу одна сидеть.

– Обещаю. Минут пять максимум, – подмигивает она и исчезает в темноте сада, тапки шлепают по дорожке.

Я остаюсь одна.

Иду медленно. Смотрю по сторонам. И не перестаю удивляться: как им удалось всё это? Дом, двор, баня – всё дышит теплом и любовью. И всё так гармонично.

Под ногами скрипит дерево. Я дохожу до небольшой тропинки, ведущей к отдельно стоящему деревянному срубам. Баня. Дверь чуть приоткрыта, изнутри льётся мягкий свет.

Тишина. Спокойствие. Тепло.

Кажется, мне повезло.

Я захожу внутрь, снимаю халат, поправляю полотенце, которое обернула вокруг тела, оставив купальник. Влажный воздух приятно щекочет кожу. Парная – за следующей дверью. Я открываю её, чувствуя, как жар окутывает лицо... и замираю на пороге.

В полумраке – силуэт. Мужской.

Высокий. Голый по пояс. Мускулистые плечи, знакомый изгиб шеи, профиль, вырезанный, как по памяти...

Глава 12

Он поворачивает голову. Наши взгляды встречаются. И будто весь пар вдруг сгустился в грудной клетке. Я не могу дышать.

Он так же удивлён, как и я. Но не двигается. Не уходит. Просто смотрит.

Молча.

Внутри всё переворачивается. Почему именно он? Почему именно сейчас?

– Прости, – выдавливаю я. – Я... не знала, что ты здесь.

Разворачиваюсь, чтобы уйти, но его голос останавливает меня.

– Подожди.

Глухо. Тихо. Слишком близко.

Я застываю, не оборачиваясь.

– Я выйду. – он встаёт, и я слышу, как скрипит лавка под его весом. – Это я должен извиниться. Я думал, что баня пуста.

Молчание. Только капли воды стекают по деревянным стенам. Только сердце бьётся в ушах.

И почему-то мне совсем не хочется, чтобы он уходил.

Он выходит из парной, и дверь за ним медленно закрывается, оставляя после себя след тепла и... пустоты.

Я остаюсь одна, сердце колотится в груди, как у пойманной птицы. Облокачиваюсь на деревянную стену, прикрываю глаза. Почему мне не всё равно? Почему его голос вызывает в груди эту боль – почти физическую?

Минут через пять я, наконец, решаюсь сесть. Усаживаюсь на нижнюю полку. Парная прогрета, жар постепенно расслабляет мышцы, смывает напряжение. Но внутри – ураган. Не утихает. Не затихает.

Дверь снова открывается.

Я вздрагиваю.

Это он. Эрик. Вернулся.

На нём – полотенце, запахнутое на бёдрах. В руках – берёзовый веник. Он смотрит на меня, не ухмыляется, не ерничает, просто серьёзен. Почти сдержан.

– Ларисы всё нет? – спрашивает он.

– Нет, – тихо. – Наверное, задержалась.

Он кивает и будто колеблется, потом садится напротив, оставляя, между нами, расстояние, но всё же... не уходит.

– Я не хотел ставить тебя в неловкое положение, – говорит он, глядя на меня в упор. – Просто... не знал, что ты тоже идёшь в баню. Лариса не сказала.

– Всё в порядке, – я пожимаю плечами, пытаюсь говорить ровно. – Бывает.

– Давно не видел тебя такой... спокойной.

Я поворачиваюсь к нему, прищуриваюсь.

– Может, потому что ты давно не видел меня вообще?

Он смотрит прямо, с той же странной серьёзностью.

– Может. Или просто привык видеть тебя другой. Колочей. Сильной.

– А теперь я какая?

– Тихая. Но внутри... как будто ураган.

Я отвожу взгляд. Слова задевают. Слишком точно. Он всегда умел видеть меня насквозь, и это бесило больше всего.

– Не строй из себя философа, Эрик. Не в этом ты хорош.

– А в чём?

Его голос становится ниже, глуше.

Я смотрю на него. На этот взгляд, от которого когда-то теряла голову. Он не изменился. Чуть повзрослел, возмужал, может. Стал сдержаннее. Но в этих глазах всё тот же огонь. Огонь, который когда-то сжёг всё, что было между нами.

– Ты хорош в разрушении. В этом ты – мастер, – произношу тихо. – Как и в том, чтобы уходить.

Он медленно кивает. Молчание.

– Я действительно ушёл, Агата. Но только потому, что думал – ты выбрала другого.

– Я? – смеюсь, но в этом смехе – горечь, колкая, как осколки стекла. – Это **ты** не отвечал. Не приехал. А потом я узнала, что ты – в Германии. С невестой.

– Я не был обручён. Это ложь. Я...

Он резко замолкает. Что-то мелькает в его взгляде – колебание, боль, страх.

И вдруг он встаёт. Подходит ближе. Слишком близко. Его рука ложится рядом с моим плечом на скамейку, и теперь он нависает надо мной, словно весь воздух сгустился между нами. Его взгляд цепляется за мой.

– Знаешь, что самое странное? – голос тихий, хриплый, почти шёпот. – Сейчас, глядя на тебя, мне кажется, будто ничего не прошло. Будто всё это – сон. И мы всё ещё те, кем были.

Я чувствую, как горят щёки. Как от жары, так и от него. От воспоминаний, которые поднимаются со дна души, от того, как легко он рушит мои стены.

– Мы не те, Эрик. И уже не вместе, – шепчу.

– Но ты дрожишь, когда я рядом, – отвечает он, не отводя взгляда.

И в этот момент он наклоняется. Его лицо приближается – и весь мир словно замирает. Горячее дыхание касается моей кожи. Его губы находят мои, и всё – исчезает.

Поцелуй обрушивается, как буря – нежный, но дикий, знакомый до боли, до дрожи. Его губы сначала мягкие, осторожные, будто он не верит, что я настоящая. А потом – крепче, голоднее. Он целует, как будто хочет вспомнить всё – каждую эмоцию, каждый изгиб, каждый вздох между нами.

И я... Я на мгновение тону в этом чувстве. Во вкусе, в жаре его тела, в его пальцах, которые слегка касаются моей шеи, как раньше. Будто возвращаюсь туда, где всё было просто. Где он был моим.

Моё сердце грохочет, как раскат грома внутри грудной клетки. Пальцы сжимаются в кулаки, кожа горит. И на одну секунду – я поддаюсь. Впускаю его в это хрупкое, сломанное «нас».

Но затем – словно просыпаюсь.

Словно холодный воздух разрывает это наваждение. Я резко отстраняюсь, поворачиваю голову, закрываю глаза.

– Не надо, – шепчу. Голос дрожит.

Он замирает. Дышит тяжело. Всё ещё слишком близко.

– Почему? – его голос – глухой, как удар.

Я поднимаю глаза. Потому что я не могу позволить тебе снова меня разрушить.

– Потому что ты – моя боль. А не мой дом, – произношу уже вслух.

Резко встаю. Тело горит от жара, но внутри – ледяной шквал. Взгляд у меня – холодный.

– Знаешь что? Мне не нужны объяснения и по поводу твоего отъезда, ни по поводу твоей невесты. Поздно. Всё уже сказано. Всё уже пережито. Мне не важно невеста у тебя была, или это очередная уловка твоей матери. У нас была любовь, Эрик. Такая, что не у каждого случается. А потом была боль. Ты выбрал, как поступить. И я – тоже. Так что давай не будем притворяться, что можно всё переписать.

Я иду к двери. Хватаю халат, сжимаю в пальцах.

Но прежде, чем выйти, слышу за спиной его голос.

– А если я не хочу всё переписывать, Агата? Если я просто хочу вернуться туда, где ещё была ты?..

Я замираю. На секунду. А после выхожу, оставляя за собой жар, который уже не связан с температурой воздуха.

Только с тем, что было. И с тем, чего больше не будет.

Глава 13

На улице уже темнеет. Воздух наполнен прохладой и ароматом хвои. Я быстро обматываю халат, словно это способ спрятаться – от него, от себя, от воспоминаний, которые накрыли с головой.

Шум вечеринки остался где-то позади. Смех, звон бокалов, запах мяса – всё это больше не имеет ко мне отношения. Иду по деревянной дорожке обратно к дому, будто по льду – осторожно, затаив дыхание.

В голове звучит его голос. *«Если я просто хочу вернуться туда, где ещё была ты?»*

Поздно. Слишком поздно. Или... нет?

Я не хочу думать. Не хочу чувствовать. Но всё внутри будто снова оживает.

У крыльца меня догоняет Лариса.

– Агат! Прости, задержалась. Ну как тебе банька? – она смотрит на меня с улыбкой, не замечая моего состояния.

Я натягиваю улыбку.

– Хорошо. Горячо. Как надо.

– Слушай, давай сейчас быстренько чайку с мятой, и после подумаем, как тебе вернуться домой. Ты какая-то уставшая.

– Спасибо, Лар. Буду только рада.

Мы заходим в дом. На кухне пахнет мятой, лимоном и чем-то уютным – домашним. Лариса ставит передо мной кружку, а сама возится у плиты, достаёт из духовки пирог с вишней. Где-то в глубине дома слышен смех, хлопают двери, вечер живёт своей жизнью.

Я делаю глоток чая, стараясь сосредоточиться на его вкусе, а не на том, как дрожат пальцы.

– Агат, – Лариса поворачивается ко мне, садится рядом. – Послушай, оставайся у нас с ночёвкой. Ну правда. Комната есть, постель свежая, ты устала... чего тебе ночью по темноте ехать?

– Спасибо, Лар, – я стараюсь улыбнуться. – Но нет. Я всё равно сегодня почти не спала, дома быстрее отключусь. К тому же завтра рано вставать.

– Мы тебя утром и отвезли бы! – не унимается она. – А сейчас уже темно.

– Нет, я лучше поеду, – качаю головой. – Я на такси приехала. Обратно так же уеду.

Лариса хмурится, встает и уходит в гостиную. Через минуту возвращается.

– Слушай, такси ты не вызовешь. Здесь за городом – глушь. Пробовала – не ловит. Ни один водитель не берёт заказ. Уже поздно.

– Я пешком дойду до трассы, там поймаю, – выдыхаю, хотя сама понимаю, насколько это плохая идея.

– Агат, не глупи, – строго говорит она. – Сейчас не май месяц, и не город. Лес, темно, да ещё и одета ты, мягко говоря, не для прогулок. Я бы сама отвезла, но я выпила. Андрей – тоже. Ребята тоже все под градусом... – она замирает, и я уже чувствую, как к горлу подкатывает предчувствие.

– Кто трезвый, Лар? – спрашиваю, уже зная ответ.

– Только Эрик, – осторожно отвечает она. – Он не пьёт в последнее время. Совсем.

Я сжимаю пальцы в замок.

– Нет. Я видела, он пил. Ладно, не надо. Я найду способ сама.

– Агат... – она опускает голос. – Он сам предложил. Я ничего не просила. Он просто услышал, что тебе нужно ехать – и сказал, что отвезёт. И всё.

– Лар... – я поднимаю на неё глаза. – Я не могу.

Она смотрит на меня серьёзно, внимательно. По-дружески.

– Ты можешь. Просто не хочешь. А иногда это не одно и то же.

Мы молчим. Я понимаю, что никто, кроме него, не отвезёт меня сегодня. Или я останусь.

А это – не вариант.

– Ладно, – выдыхаю. – Только пусть не думает, что это... жест мира или что-то ещё.

– Думаю, он просто хочет быть рядом. Хоть немного. – Лариса слабо улыбается. – Но это уже не моё дело.

Она уходит, оставляя меня одну с остывшей чашкой в руках. А через пару минут в дверях появляется Эрик.

– Поехали?

Он стоит спокойно, без выражения. Как будто еще несколько минут назад не целовал меня. Я киваю.

И выхожу вслед за ним в ночь.

Глава 14

Я уже почти выхожу из дома, когда Лара окликает меня:

– Агат! Ты не переделалась!

Ох. Я опускаю взгляд – на мне всё ещё халат, в котором я спускалась в баню. И я готова треснуть себя по лбу, понимая, что рядом с Эриком мой мозг отключается. Ни одно решение не проходит фильтрацию здравого смысла.

Стараюсь не смотреть на Эрика, хотя чувствую его взгляд – будто щекой касаюсь жара

– Пять минут, и я спущусь к тебе, – говорю тихо и поворачиваю обратно в дом.

На втором этаже, в спальне, быстро нахожу свою сумку и одежду. Переодеваюсь в своё. Волосы ещё влажные, но я слегка их расправляю пальцами. Выгляжу лучше, чем ожидала. В зеркале отражается неуверенная женщина с глазами девчонки, которая всё ещё учится держать себя в руках.

Я приближаюсь к зеркалу и тихо приказываю себе:

– Прийди в себя. Не теряйся рядом с ним. Не позволяй себе глупостей. Он не тот, кем был. Он предал. Он выбрал поверить матери, а не тебе. Не смей повторять ошибок. Дважды в одну реку не войдешь.

Спускаясь вниз, замечаю в свете фонарей, как у ворот стоит чёрный внедорожник Эрика. Гладкий, массивный, с затемнёнными стёклами и идеальными линиями кузова. Блестящий хищник в ночи. Язык не повернётся назвать это просто машиной. Это – танк.

Он стоит, прислонившись к пассажирской двери, руки в карманах, в полупрофиль, будто сошёл с рекламной обложки. Замечает меня, и молча открывает мне дверь. И почему-то этот простой жест – как укол. Я всё ещё чувствую в себе слабость к нему, а он... он всегда был хорош в таких мелочах. Тогда, раньше, когда любил.

Только один короткий взгляд, и я – внутри. Просторный салон пахнет кожей и чем-то терпким, мужским, будто из флакона, который слишком дорог, чтобы лежать на прилавке. Я пристёгиваюсь, он запускает двигатель.

– Уже пристёгиваешься? – вдруг спрашивает, – Помню, раньше ты не любила.

– Всё ещё любишь контролировать? – парирую, едва заметно усмехаясь

Он усмехается в ответ, не глядя на меня:

– Контроль – это иллюзия. Но ты всё равно выглядишь в нём лучше.

– В чём?

– В ремне безопасности, – вновь усмехается. – Уравновешивает твой боевой настрой.

– Очень остроумно, Эрик.

Машина плавно катится по дороге. На стекле отражается свет фонарей, за окном мелькают сосны и участки в темноте. Движение мягкое, почти убаюкивающее, но внутри – всё гудит.

– Спасибо, что вызвался подвезти, – говорю после паузы. – Но я не хотела никого тревожить, думала вернуться на такси.

– Никогда не сомневался, что справишься сама. Но это не повод отказываться от помощи.

Снова тишина. Но она уже не давит. Просто звучит, как фон – как старая пластинка, на которой мы с ним вдвоём, но музыка уже не та.

Внезапно на дороге, в сотне метров впереди, вспыхивает резкий свет фар, и тут же – удар. Сначала один, потом второй. Металл врежется в металл. Скрежет, визг шин, дым. Две машины. Столкновение.

– Чёрт! – Эрик резко жмёт на тормоза. Машина замирает.

Я хватаюсь за ручку двери, но он рывком останавливает меня:

– Не выходи! Сиди! Мало ли что. Позвони в скорую. Сейчас же!

Я хватаю телефон, пальцы дрожат. Едва попадаю в кнопку вызова.

– Алло, скорая, – говорю в трубку – Две машины. Сильное столкновение. Трасса номер пять в сторону города. Срочно. Очень срочно приезжайте. Думаю, есть пострадавшие! – мой голос звенит.

Эрик уже выскочил из машины. Я вижу, как он бежит к одной из искорёженных машин. Фары мигают, одна из дверей выломана. Слышу, как кто-то стонет. Я выхожу из машины. Ноги ватные, сердце стучит как бешённое.

Одна машина просто всмятку. Пар валит из-под капота. Другая – тоже сильно пострадала, но в ней сработали подушки безопасности.

Эрик уже у двери, пытается вытащить мужчину за рулем. И тут из заднего сиденья начинают доноситься крики. Детские. Плач.

– Ребёнок, – кричу. – Там ребёнок!

– Сиди в машине! – кричит Эрик, но я его не слушаю.

Я бегу к ним, слышу, как Эрик кричит:

– Агата! Назад! Машина может загореться!

Но я как в тумане, ни о чем не думаю, подбегаю к задней двери. Открываю. В детском кресле – мальчик. Маленький. Крошечный, не старше года. Он кричит, испуганно, громко. Плачет, весь в слезах, лоб рассечён, в крови, но главное – он живой.

– Всё хорошо, малыш, – шепчу я, с трудом расстёгивая ремни безопасности. – Всё хорошо. Я с тобой.

– Агата! – Эрик хватается за мою руку. Но я уже поднимаю мальчика, и тогда он отпускает меня.

– Он должен жить, Эрик – шепчу, прижимая ребенка к себе. – Мы должны ему помочь. Эрик, пожалуйста... отвезём его в больницу.

Он смотрит на меня долгую секунду. Потом решительно кивает.

– Хорошо. Садись с ним в машину.

Малыша прижимаю к себе покрепче. Он цепляется за меня, как за якорь.

Я ухожу, а Эрик подбегает к женщине – матери ребёнка – она жива, но в полубессознательном состоянии, и вся в крови.

– С ребенком все хорошо, давайте попробуем выйти, – кричит он ей и помогает покинуть машину и отойти подальше. После мы укладываем её на заднее сиденье.

Отец ребёнка – в тяжёлом состоянии, левая сторона вся в крови, но он жив и может двигаться. Эрик сажает его на переднее пассажирское, пристёгивает. Я держу малыша на руках, стараюсь говорить с ним.

– Ты молодец, маленький. Всё будет хорошо. Ты только держись.

Мы выезжаем с места ДТП. С тяжёлым сердцем оставляя там водителя второго авто. Его Эрик не смог вытащить. Он без сознания и нужно специально оборудованное, чтобы он смог выйти из машины.

– Как ты? – спрашивает Эрик, оглядываясь на меня.

Я качаю головой. Держу ребёнка крепко. У меня прерывистое дыхание, но я не могу плакать. Но и не могу дышать.

На дороге нас встречают две машины скорой.

– Слава богу, – шепчет Эрик и останавливается.

Мы передаём родителей врачам, мальчик всё ещё прижат ко мне. Медики слаженно работают. Нам говорят, что семья будет доставлена в ближайшую больницу. Мальчик, к счастью, почти не пострадал. Мы едем за ними в больницу.

Вторая скорая едет на место аварии, чтобы помочь оставшемуся там водителю.

Мы доезжаем до больницы, Эрик говорит с заведующим, просит уделить внимание, отправить лучших специалистов. И его слушают. Через пол часа нам сообщают, что все пострадавшие стабилизированы. Ребёнок – под наблюдением, и он в порядке. Родители тоже будут жить.

Я выхожу из больницы, мне нужен воздух. Меня трясёт. Холод и адреналин сливаются в одно.

– Эй, – тихо говорит Эрик. Подходит. Смотрит. – С тобой всё в порядке?

Я киваю, не доверяя голосу. Он подходит ближе. Его руки обнимают меня. Сильно. Не страстно или жадно. А – как будто бы я снова его часть. Как когда-то.

– Ты молодец, – шепчет он.

Просто стою, прижимаясь к нему. И впервые за всё это время – позволяю себе опереться на него.

– Ты не должна была туда бежать, – говорит он. – Это было опасно.

– А я не могла иначе.

– Почему ты так тряслась? – вдруг спрашивает он. – Ты плакала не только из-за них?

Я отвожу взгляд. Слова застревают в горле. Потому что я снова пережила ту потерю. Но вслух говорю только:

– Потому что я не хотела, чтобы ещё одна мама осталась без ребёнка.

Глава 15

Утро тянется вяло. Я стою перед зеркалом, собираясь на работу, и почему-то не могу найти серёжку, которую только что держала в руках. Всё валится из рук.

Наверное, дело в недосказанности. В неловком молчании, которое наступило, когда Эрик высадил меня у дома.

В голове прокручивается вчерашний поцелуй, мой отказ, события на дороге, поездка в больницу и не вовремя сказанные мной слова, а после – его молчание, неловкое, густое, почти липкое. После больницы он так и не заговорил со мной. Только посмотрел, так, будто хотел что-то сказать, но сдержался. И я тоже молчала. Эрик подвёз меня к дому, не заглушая двигатель, дождался, пока я вышла из машины, а после просто уехал. И я тоже молчала. Только спасибо на прощание сказала, глупое, не по делу.

От него – ни намёка, ни объяснения. Как будто ничего и не было.

Выхожу в прихожую, надеваю кроссовки, и вдруг за дверью раздаётся собачий лай – громкий. Я замираю. Час ранний. Думала сегодня прийти на работу пораньше, выполнить план на день и отпроситься к маме в больницу.

Сердце на мгновение замирает. Кто мог приехать ко мне так рано? На улице тихо. Морщусь, выглядывая в окно. Ничего. Только белая машина за воротами на солнце поблёскивает... Что это? Серьёзно? Машина вся усыпана стразами?

Нахмурившись, спускаюсь по ступенькам и выхожу на крыльцо. Тихо. Слишком тихо, только собака снова зарычала.

Я открываю калитку. Медленно, спокойно. Не потому, что не волнуюсь. Просто не хочу, чтобы кто-то почувствовал хоть каплю моей слабости.

Передо мной – она.

– Здравствуй, Агата, – звучит этот голос, от которого у меня когда-то стыла кровь.

Валентина Аркадьевна. Бывшая свекровь. Высокая, с идеальной укладкой, губы накрашены алой помадой, взгляд как лезвие, волосы уложены, дорогая сумка болтается на согнутом локте. Всё такая же прямая осанка, будто держит спину, как знамя.

Но вот что странно: я не чувствую былого страха перед свекровью. Ничего не ёкает, не сжимается. Я спокойна. Даже удивительно спокойна. Никакого холода внутри. Ни бешеного стука сердца, ни укола в животе. Только удивление. И равнодушие. И мне это нравится.

А позади неё, в машине, сидит девушка. Белокурая, с большими очками в глянцевой оправе и пухлыми губами. Та самая. Я узнаю её мгновенно. Адриана. Он тогда назвал её этим именем. В тот вечер, когда мы впервые столкнулись.

– Что-то случилось? – спрашиваю, не меняясь в лице. – Или вы просто решили прокатиться мимо, вспомнив старые времена?

– Агата, – говорит она, поджимая губы. Голос режет по нервам, как ледяной ветер по коже. – Я не собираюсь с тобой играть в остроумие, – резко отвечает она. – Скажи мне прямо: зачем ты вернулась?

Я смотрю на неё и чувствую только пустоту. И это ощущение... приятно.

Демонстративно прищуриваюсь.

– Домой. Вернулась домой. Это противозаконно?

– Ты прекрасно знаешь, что я не об этом, – её голос поднимается. – Что ты опять вьёшься рядом с Эриком? Ты устроилась к нему на работу. Говоришь с ним о прошлом. Что, опять хочешь вцепиться в него когтями?

– Устроилась, потому что имею право работать, – я не отступаю. – А когтей у меня, к сожалению, нет. В отличие от некоторых.

Её глаза вспыхивают.

– Я знала, что ты наглая, но не думала, что настолько! После всего, что ты натворила, ты смеешь появляться здесь?

– После всего, что *ВЫ* натворили, вы ещё имеете наглость стоять у моего дома?

Она делает шаг ближе, и вдруг её губы искривляются в ехидной усмешке.

– Забыла, как я тебя тогда ударила? – шипит она. – В Тюмени. Ты оказалась в больнице. И всё равно не поняла, что от меня надо держаться подальше! Что со мной лучше не связываться, что все равно проиграешь!

Я замираю. На миг. Да, зануло внутри. Но только на миг.

– Я очень хорошо поняла другое, – говорю спокойно. – И я не боюсь вас.

– Не боишься? – она смеётся. – Смешная. Посмотри на себя. Одна. Без мужа. Ничего не добила. А мой сын поднялся, у него всё отлично. У него есть невеста, настоящая девушка. Красивая, умная, молодая.

– Как приятно, что вы её так рекламируете. Времена изменились, раз вы отзываетесь хоть о ком-то в хорошем тоне.

– Не умничай! – рвётся из неё. – Он женится на ней! И она ждёт ребёнка! Ты слышишь, она беременна! Так что не лезь в его жизнь! Уезжай обратно в свою дыру и не порть ему будущее.

Беременна.

Это слово будто лопаётся у меня в груди.

– И? Я тут при чем? – выходит более эмоционально, чем мне бы хотелось.

– При том! – её губы вновь искривляются. – Ты. Ты снова тут. Влезла в жизнь моего сына. На фабрике теперь крутишься, как будто тебя кто-то звал. Что, снова решила паутинку плести? Думаешь, снова влюбится, снова приведёт домой?

– Я просто устроилась на работу.

– Просто?! – её голос срывается.

Она делает еще один шаг вперёд. В машине за её спиной медленно опускает окно, и я чувствую на себе взгляд той девицы. Интересный спектакль, видимо.

– Не начинай, Агата. Я приехала не за тем, чтобы перекинуться просто словами. Я хочу, чтобы ты поняла: ты и Эрик – это в прошлом. Он теперь живёт другой жизнью. С другими людьми. Ты сама это видишь. Не стоит вмешиваться.

Я прищуриваюсь.

– А я вмешиваюсь? По-моему, я просто иду на работу. И никому на шею не вешаюсь.

Она смотрит на меня чуть свысока.

– Ты не подходишь ему, Агата. Не подходила тогда, не подходишь и сейчас. Ты – тень из прошлого, и Эрик это понимает.

– Может, вы скажете это ему? Потому что он, кажется, немного путается. И вновь хочет будущего со мной.

Она впервые сбивается. Делает шаг назад, будто не ожидала. Я смотрю ей прямо в глаза. Спокойно. Уверенно. И это приятно. Чёрт, как приятно не бояться её.

– Я всё сказала, – выдавливает она. – Просто не мешай ему. Он на правильном пути.

– Не волнуйтесь, – я чуть наклоняю голову. – Я вообще никому не мешаю.

– Агата, – говорит она и оглядывает меня с ног до головы, – ты, вижу, изменилась.

– А вы – всё такая же наблюдательная, – отвечаю спокойно.

Она поджимает губы, не привыкшая к подобному тону.

– Изменилась, но дурой осталась. И мой урок не усвоила. Знай, я не жалею, что отправила тебя тогда в больницу и уехала, бросив тебя там без денег и жилья, чтобы ты застряла там надолго. И я сделаю все сейчас, лишь бы ты исчезла из жизни моего сына, как и десять лет назад.

Я дышу медленно. Стараюсь не дрогнуть.

– Вы ударили меня тогда, и я действительно попала в больницу по вашей вине, – говорю тихо. – Потому что я впервые посмела вам возразить, сказать что-то в свою защиту. А вы не поверили. Сказали, что я наглая, лживая обманщица...

– Потому что так и было! – кричит она. – Ты разрушила жизнь моему сыну! А теперь что? Вернулась? Думаешь, всё забылось? Он уже не твой, девочка. У него всё хорошо! Девушка у него чудесная, из нормальной семьи. И знаешь что? – она вновь делает шаг ближе. – Он собирается на ней жениться. Так что можешь собирать свои вещички и ехать туда, откуда пришла. Здесь без тебя было прекрасно.

Мне больно. Где-то в солнечном сплетении, в самом центре. Эти слова режут, как осколки стекла. Но я не показываю вида. Просто распрямляю спину и встречаю её взгляд.

– Если вы пришли унижить меня – зря. Я не та девочка, которую вы сломали тогда. Я не боюсь вас. И, к счастью, мне не нужен мужчина, которого надо забирать у кого-то. Если Эрик счастлив – пусть будет. Это не моё дело. Но я имею право быть здесь. И я не позволю вам решать за меня, где мне жить и работать. И да, сейчас у меня есть деньги, образование и опыт, и в этот раз вы не избавитесь от меня так легко.

Она сжимает губы, будто хочет бросить ещё что-то, но молчит. Я поворачиваюсь и ухожу, не оборачиваясь. Закрываю калитку за собой. И только когда оказываюсь в доме, позволяю себе опереться на стену и сделать глубокий вдох.

Она беременна. Он собирается жениться на ней.

Чёрт.

Руки трясутся. В груди – вакуум. Я хватаю сумку и выхожу, потому что мне надо ехать. Мне нужно держаться, я сильная, я справлюсь. Только внутри, будто после землетрясения, полная разруха.

Глава 16

Поездка на работу отменяется. Еду в больницу к маме. Мне всё равно, если он уволит меня за опоздание. Пусть. В таком состоянии я точно не появлюсь перед ним. Пусть устраивает свою жизнь с беременной невестой, а не лезет с поцелуями ко мне!

Больница встречает меня привычным шумом и запахом лекарств, но всё это давит на меня сильнее обычного. Здание старое, с облупленной штукатуркой, линолеум на полу местами протёрт до дыр, а у дверей виднеются заплатки из кусочков другого покрытия. Голубые двери, перекрашенные, наверное, сотню раз с советских времён, блестят тусклым лаком, под которым всегда скрипит металл петель. Стены и потолки выкрашены в выцветший белый цвет, в некоторых местах видны трещины и следы старой побелки. Всё здесь кричит о том, что время прошло мимо этого места, и тем тяжелее на душе от этой атмосферы заброшенности. И моего бессилия перевести маму в региональный центр.

Я иду по широкому коридору и думаю о том, как моя мама лежит сейчас за этими стенами, в таком незащищённом состоянии. Каждый шаг даётся тяжело.

Мама лежит в отделении интенсивной терапии. У неё хроническое неврологическое заболевание, и в последнее время участились приступы эпилепсии. Она принимала лекарства стабильно, я звонила и спрашивала, она всегда отвечала, что всё в порядке. Но этот приступ случился неожиданно – мама упала в обморок во время готовки, и весь кипяток из кастрюли вылился на неё.

Когда мне позвонили и рассказали, в каком состоянии её нашли, я чуть с ума не сошла от беспокойства и сразу вылетела домой первым рейсом. Врачи потом объяснили, что из-за приступа она не сразу смогла снять с себя одежду, поэтому ожог получился глубоким, а волдыри, которые образовались, лопнули, когда хирурги снимали ткань.

Боли были настолько сильные и поражено такое большое количество кожного покрова, что маму ввели в искусственную кому. Сказали, что продержат в таком состоянии ещё недели две, пока кожа хоть немного не затянется.

Перед тем как зайти к ней, я сначала подхожу к дежурному врачу, чтобы узнать, как она.

– Стабильно тяжело, – говорит он серьёзно. – Но положительная динамика наблюдается. Всё будет хорошо, новая кожа постепенно образуется, мы используем хорошие проверенные средства. Думаю, через неделю или две выведем её из комы, сможете забрать домой и продолжите уход и перевязки.

– Спасибо, доктор, – мой голос звучит тише, чем хотелось бы. – А можно к ней?

– Да, но подождите пока у палаты, медсестра вас впустит.

– Хорошо, спасибо.

Я сажусь на жёсткий стул в коридоре, в ожидании разрешения войти в палату. Пластиковая поверхность неприятно холодит спину, в нос бьёт запах хлорки. Слышу где-то вдали крики санитаров и звуки каталки по полу.

Внезапно приходит сообщение от технолога с работы. Он спрашивает, смогу ли я сегодня прийти на час раньше: пришёл новый заказ на разработку детской шапки, нужно срочно начать составление программы.

Я смотрю на экран телефона и понимаю, что не в состоянии сейчас обсуждать работу. Хоть мне и интересно, что за новая модель и какой узор придётся прорабатывать, решительно набираю ответ: «Раньше точно не приду, даже опоздаю, наверное. Пришла проведать маму в больницу».

Секунда, и приходит ответ: «Что случилось?»

Отвечаю, что мама в интенсивной терапии. Что я не могу просто так уйти, пока не увижу её. Что я должна быть здесь.

Ответ короткий: «Понимаю. Скорейшего выздоровления твоей матери. Жду тебя».

Я смотрю на экран телефона и чувствую, как ком в горле становится ещё тяжелее. Сегодня я не хочу думать о фабрике, о том, что ждёт меня завтра. Я не хочу думать о Валентине Аркадьевне и её словах, которые звучат в голове как приговор: «Она беременна. Он женится. Ты – тень из прошлого».

Слёзы наворачиваются на глаза, но я стираю их ладонью. Не сейчас. Сейчас я должна войти в эту палату и быть сильной ради мамы. Даже если она спит и ничего не слышит.

Я поднимаюсь и иду к двери. Я уже спокойно могу смотреть на маму. За эти две недели, что я тут, я привыкла к ее внешнему виду, но сердце до сих пор ноет оттого, что ей пришлось пережить такой кошмар и боль. Медсестра открывает дверь, кивает мне, и я вхожу в палату, где моя мама лежит неподвижно, с повязками на теле и лице, а рядом мерцает монитор, фиксирующий её дыхание и сердцебиение.

Я подхожу ближе и беру её за руку. Она теплая.

– Мамочка, я рядом, – шепчу. – Ты справишься. Ты сильная. Мы справимся вместе. Извини, что вчера не смогла прийти.

И мне кажется, что её пальцы чуть дрогнули. Или это я просто так хочу думать.

Хоть медсестра и протирает мамины руки и ноги каждый день, делает она это машинально, быстро, без участия – как по конвейеру. Я понимаю, что для неё это рутина, просто работа. Но для меня это святое. Это моя мама.

Поэтому я приношу ей шоколадки, наборы конфет, иногда кладу в карман купюру, чтобы она хотя бы не раздражалась на мои просьбы, не делала это с отвращением. Мне больно смотреть, как к человеку, который был для меня целым миром, относятся с усталой холодностью. Но я ведь понимаю, понимаю... Их зарплата. Их переутомление. Их выгорание...

Сегодня я особенно остро ощущаю это. Я не пришла вчера. Не было ни шоколадки, ни денег, ни моего взгляда через плечо. И я точно знаю: сегодня маму ещё никто не обтирал.

Я достаю мягкое полотенце, опускаю его в тёплую воду, отжимаю. Ткань влажная, теплая на ощупь. Медленно, с трепетом провожу по её руке, по шее. Обхожу осторожно перевязанные участки. Аккуратно – лоб, щеки, пальцы.

– Мам, – шепчу я, будто она слышит. – Всё хорошо. Я с тобой.

Внезапно, словно из-за угла, в голове, как удар током, всплывают её слова. Её. Валентины Аркадьевны: «Ты испорченный товар. У тебя поломанная ДНК. У тебя мать-эпилептичка. Ты родишь больных детей».

Ком в горле. Меня передёргивает. Противно. Даже не от самих слов – от того, что они снова отравляют мне жизнь. Зачем я вспомнила это сейчас? Здесь? В палате, где мама лежит без сознания, такая беззащитная и любимая?..

Я отвожу взгляд от неё, стискиваю зубы. Стараюсь выдохнуть, переключиться.

Вспомни, что мама рассказывала. Не это. Не её. Вспомни свет.

Как она, хрупкая, с тонкими пальцами и добрыми глазами, прижимала руку к животу, когда ждала меня. Как с трепетом вспоминала, что выносить ребёнка было почти невозможным. Что только во время ремиссии, когда болезнь немного отступила, она смогла подарить мне жизнь.

Она говорила: «Мы с папой так хотели тебя... Я знала, что, возможно, ты у нас будешь одна. Единственная. Но ты – наша любовь, Агата».

И я вспоминаю, как соседи качали головами: «Как же это он, такой образованный, перспективный, выбрал её? С её диагнозом? С таким хрупким здоровьем?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.